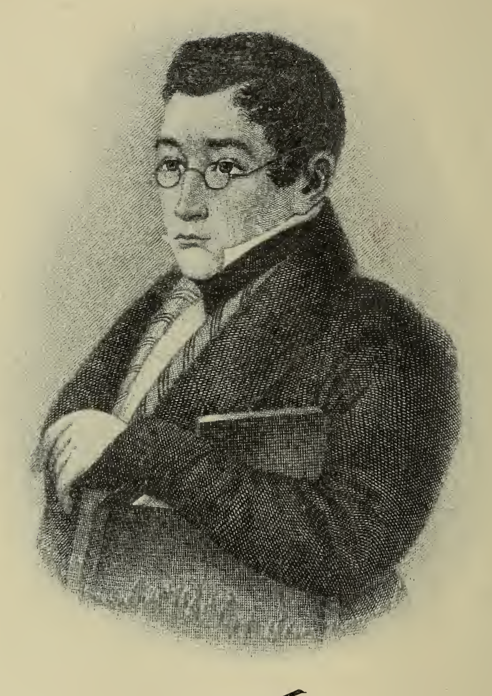
А. С. Грибоѣдовъ

ГОРЕ ОТЪ УМА

Комедія
въ
четырехъ дѣйствіяхъ.

Стокгольмъ.
„Сѣверные огни".
1920

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

ГОРЕ ОТЪ УМА

КОМЕДІЯ
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

РЕДАКЦІЯ,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПРИМѢЧАНІЯ
Е. А. ЛЯЦКАГО

СТОКХОЛЬМЪ
«СѢВЕРНЫЕ ОГНИ»
1920

Типо-литографія Акц. О-ва Хассе В. Тульбергъ, Стокхольмъ 1920.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

ЖИЗНЬ, ЛИЧНОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО.

Какъ ни странно, но только въ наши дни открывается возможность оцѣнить въ полной мѣрѣ историческое значеніе «Горя отъ ума». Борьба двухъ міровъ, съ такой яркой художественностью изображенная Грибоѣдовымъ, только теперь съ полной очевидностью обнаружила свои принципіальныя основанія. Сто лѣтъ назадъ пылкія рѣчи Чацкаго понимались, какъ дерзкій призывъ къ отказу отъ тѣхъ бытовыхъ и общественныхъ началъ дворянской, помѣщичьей и чиновничьей жизни, которыя были кровно связаны съ реальнѣйшими интересами правящихъ классовъ и выражали весь катехизисъ ихъ государственно-правовыхъ убѣжденій и взглядовъ. Теперь стало ясно, что Чацкій былъ не отщепенцемъ фамусовскаго общества, но политическимъ борцомъ за иной порядокъ жизни въ Россіи, порядокъ, основанный на принципахъ гражданской свободы. Онъ явился поборникомъ равенства всѣхъ гражданъ, одинаково трудящихся, любящихъ свою родину и ищущихъ въ ея благѣ осуществленія своихъ идеаловъ личнаго счастья.

Въ настоящее время, чтобы раскрыть во всей глубинѣ истинный смыслъ великой комедіи Грибоѣдова, недостаточно сравнить «вѣкъ нынѣшній

и вѣкъ минувшій», — необходимо припомнить историческую обстановку и въ особенности продумать трагедію личной жизни Грибоѣдова, его духовное одиночество, его непримиримый разладъ съ русской дѣйствительностью, его борьбу за идеалъ Россіи, свободной, просвѣщенной и съ почетомъ занимающей свое мѣсто на земномъ шарѣ. Внутреннія соотношенія между Чацкимъ, бѣгущимъ отъ толпы жалкихъ честолюбцевъ и наглыхъ поработителей, и Грибоѣдовымъ, выполняющимъ свое культурное служеніе въ далекой персидской ссылкѣ, дѣлаютъ біографію Александра Сергѣевича не только историческимъ введеніемъ, но и ключомъ къ раскрытію того жизнепониманія, которое оказало такое громадное вліяніе на развитіе русской общественности. Вотъ почему важно остановить вниманіе читателя на такихъ сторонахъ жизни и творчества Грибоѣдова, которыя изображаютъ его не только создателемъ комедіи, но и живымъ участникомъ событій своего времени.

А. С. Грибоѣдовъ родился 4 января 1795 г. Родители — отецъ, отставной секундъ-майоръ Сергѣй Ивановичъ, и мать, Настасья Федоровна, — принадлежали къ старой дворянской фамиліи Грибоѣдовыхъ, вышедшихъ въ прошломъ изъ Польши. Настасья Федоровна любила вспоминать, что въ старину Грибоѣдовы выполняли важныя обязанности задолго до Петра Великаго. Родовая гордость питалась сознаніемъ, что они были въ родствѣ съ князьями Одоевскими, Нарышкиными, графами Разумовскими, Римскими-Корсаковыми, Паскевичами, — отсюда для такой поклонницы геральдической традиціи, какою была мать Грибоѣдова, возникало требованіе поддерживать дворянскую честь и аристократическое достоинство грибоѣдовскаго рода.

Сознательная мысль будущаго поэта родилась на рубежѣ двухъ эпохъ. Впечатлѣнія старой — екатерининской и елизаветинской — жизни во всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ ранніе годы, должны были всецѣло подчинить его раннюю воспріимчивость. Но судьба наградила его особенной зоркостью, которая подхватывала и роняла въ душу сѣмена иныхъ жизненныхъ воспріятій, далекихъ отъ настроеній той сановной знати, что давала тонъ стремленіямъ и вкусамъ его родителей. Сановники старой эпохи живали въ Москвѣ, словно помѣщики въ барскихъ усадьбахъ,—богато, хлѣбосольно и праздно. Свѣтская суетность и тщеславіе выработали свой особый строй моральныхъ правилъ и житейскихъ навыковъ. Тѣ или иные знатные «тузы» являлись руководителями общественнаго мнѣнія, — оно въ такихъ случаяхъ приспособлялось къ ихъ требованіямъ и вкусамъ, а нерѣдко, и къ странностямъ и причудамъ. Богатство, высокое служебное положеніе или титулъ являлись достаточными основаніями, чтобы считать ихъ носителей законодателями и моралистами для всей аристократической Москвы. Жить «по старинѣ» и подражать «старшимъ» было мѣриломъ общественнаго такта и личнаго достоинства для подростающихъ поколѣній. Въ обученіе послѣднихъ, весьма въ общемъ элементарное, входила сложная наука памятованія дворянскихъ родовъ, фаворитовъ, пользовавшихся милостями двора, и иныхъ знатныхъ покровителей. Служебная карьера зависѣла отъ благосклонности начальства, отъ аристократическихъ связей служащаго, отъ его умѣнья приспособляться къ обстоятельствамъ и людямъ. Личныя достоинства — умъ, доблесть, идеализмъ — должны были тонуть въ морѣ умственнаго безразличія и моральной

слѣпоты. Исканіе правды, жажда знанія, стремленіе поставить логику высшаго разума надъ мѣщанскимъ смысломъ житейской рутины — казались опасны и дѣлали пытливыхъ юношей несносными вольнодумцами, врагами общества и порядка.

Въ такой средѣ юный Грибоѣдовъ долженъ былъ повторить, по мысли его матери, «обыкновенную исторію» барчука, котораго будутъ учить затѣмъ, чтобы «вывести въ люди», а выведя въ люди заставить «служить» и съ честью носить родовое имя. Этого хотѣлъ отецъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ заурядный, скромно аттестованный въ служебномъ формулярѣ: «грамотѣ читать и писать по-россійски умѣетъ». Этого бурно хотѣла мать, женщина умная, властная и крайне тщеславная. Поклоняясь дворянской традиціи и мечтая о блестящей служебной карьерѣ для своего сына, Настасья Федоровна понимала однако, что новая эпоха требовала отъ молодыхъ людей не одного лишь почтительнаго слѣдованія указкѣ старшихъ, но и образовательной подготовки. Поэтому она сдѣлала все возможное, чтобы дать своимъ дѣтямъ, Александру и его старшей сестрѣ Маріи, возможно лучшее воспитаніе. Приглашены были, по обычаю того времени, воспитатели-иностранцы. Первымъ былъ начитанный нѣмецъ библіотекарь университетской библіотеки Петрозиліусъ, отличавшійся педантизмомъ и воспитательными пріемами старой нѣмецкой школы. Разумную систему воспитанія примѣнилъ смѣнившій Петрозиліуса Богданъ Ивановичъ Іонъ, докторъ правъ и знатокъ классическихъ литературъ. Онъ сумѣлъ внушить своему воспитаннику чувство глубокой привязанности къ себѣ и сдѣлался лучшимъ другомъ и наставникомъ юнаго поэта на всю жизнь.

Подъ его руководствомъ и съ помощью нѣсколькихъ другихъ преподавателей, Грибоѣдовъ рано пріобрѣлъ привычку къ умственному труду и интересъ къ усвоенію разнообразныхъ знаній. Положено было начало основательному изученію иностранныхъ языковъ, что помогло Грибоѣдову выработать, путемъ обширнаго чтенія, независимый образъ мыслей и —позже — свободный отъ тѣхъ или иныхъ школъ свой индивидуальный литературный стиль. Искусство также не было забыто въ воспитательной системѣ. Въ домѣ Грибоѣдовыхъ процвѣтала музыка; на вечерахъ выступали лучшіе артисты. Александръ Сергѣевичъ обнаружилъ рѣдкія музыкальныя способности, и вскорѣ изъ него выработался прекрасный піанистъ, заинтересовавшійся потомъ и теоріей музыки.

Семи-восьмилѣтнимъ мальчикомъ Грибоѣдовъ былъ отданъ въ московскій «благородный университетскій пансіонъ». Это было прекрасное по тому времени училище, съ хорошо обдуманной программой и съ отличнымъ подборомъ преподавателей, среди которыхъ было много профессоровъ университета. Во главѣ стоялъ извѣстный педагогъ профессоръ А.А.Прокоповичъ-Антонскій, стремившійся воплощать въ дѣлѣ воспитанія идеалистическія черты «просвѣтительной» философіи. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. черезъ пансіонъ прошли и вынесли благодарное чувство къ нему такіе воспитанники, какъ Жуковскій, кн. В. Ф. Одоевскій, позднѣе Лермонтовъ, и много другихъ выдающихся лицъ русской науки, литературы и государственности. Въ программѣ интересы литературы и искусства преобладали; воспитанники писали и читали въ особыхъ собраніяхъ свои произведенія, издавали собственные журналы, разыгрывали на любительской сценѣ

различныя пьесы. Грибоѣдовъ быстро выдвинулся въ этомъ пансіонѣ и уже въ декабрѣ 1803 г., состоя въ «меньшомъ возрастѣ», получилъ «одинъ призъ».

Въ пансіонѣ Грибоѣдовъ пробылъ около трехъ лѣтъ. Одиннадцати-лѣтнимъ мальчикомъ поступилъ онъ 30 января 1806 г. въ университетъ. Какъ ни рано могли прежде поступать юноши въ высшую школу, но возрастъ Грибоѣдова былъ и для той эпохи рѣдкимъ исключеніемъ. Онъ зачислился прежде на «словесное отдѣленіе» философскаго факультета и окончилъ его, спустя два съ половиною года, со званіемъ кандидата словесныхъ наукъ.

Опредѣляя сына въ университетъ, Настасья Федоровна руководилась въ значительной степени практическими соображеніями. Реформы имп. Александра I потребовали отъ молодыхъ людей, для занятія должностей высшаго порядка, диплома объ окончаніи университетскаго курса. Изученіе литературы, сверхъ того, Настасья Федоровна почитала дѣломъ празднымъ. Поэтому ли, или потому, что научная любознательность не была удовлетворена словесными науками, Александръ Сергѣевичъ пожелалъ поступить на «этико-политическій», т. е. юридическій факультетъ, который окончилъ черезъ два года со степенью кандидата правъ.

Онъ не пожелалъ разстаться съ университетомъ и тогда и продолжалъ слушать лекціи по математикѣ и естественнымъ наукамъ — вплоть до закрытія университета въ 1812 г. Такимъ образомъ, Грибоѣдовъ пробылъ въ университетѣ шесть съ половиною лѣтъ, слушалъ лекціи на трехъ факультетахъ и только благодаря движенію Наполеона къ Москвѣ не получилъ высшей ученой степени, къ которой готовился. Онъ владѣлъ уже въ то

время французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ языками. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало его однимъ изъ образованнѣйшихъ молодыхъ людей того времени.

* *
*

Университетъ въ то время переживалъ періодъ значительныхъ улучшеній. Нѣсколько новыхъ, большею частью иностранныхъ, профессоровъ освѣжили пріемы преподаванія и привлекли къ себѣ большое сочувствіе со стороны любознательныхъ и серьезныхъ студентовъ. Подмѣчая интересъ въ той или иной группѣ слушателей, профессора охотно сближались съ ними, участвовали въ ихъ литературныхъ и театральныхъ упражненіяхъ, часто принимали у себя. Особенно выдѣлялся въ этомъ отношеніи профессоръ философіи Іоганнъ-Теофилъ Буле, серьезный ученый, отличавшійся изумительной работоспособностью. Не ограничиваясь своими университетскими лекціями, онъ устраивалъ у себя на дому бесѣды по археологіи, искусству, исторіи, — словомъ, продолжалъ на русской почвѣ ту же многостороннюю культурную дѣятельность, какая создавала славу питомцамъ и наставникамъ стараго геттингенскаго университета. Особенно Буле любилъ Аристотеля — послѣдній служилъ источникомъ его сужденій о природѣ и основаніяхъ драмы. По указаніямъ Буле Грибоѣдовъ познакомился съ лучшими произведеніями драматическаго творчества древняго и новаго міра, начиная съ Плавта и Теренція и кончая Мольеромъ и позднѣйшими французскими комиками. Русскую исторію Грибоѣдовъ слушалъ у М. Т. Каченовскаго, русскія древности изучалъ подъ руководствомъ профессора Т. Г. Баузе. Лекціи

по литератур… читалъ профессоръ «россійской поэзіи и краснорѣчія А. Ф. Мерзляковъ, извѣстный въ свое время стихотворецъ и литературный критикъ. По своимъ научнымъ взглядамъ и литературнымъ вкусамъ онъ былъ классикъ, большой знатокъ классическихъ литературъ, переводчикъ греческихъ и латинскихъ писателей и сторонникъ ложно-классической теоріи. Если Мерзляковъ не привилъ Грибоѣдову любви къ этой теоріи, онъ могъ возбудить въ немъ критическое отношеніе къ крайностямъ романтизма и поддержать интересъ къ старинѣ. Политическую экономію и дипломатику Грибоѣдовъ слушалъ у Шлецера-сына, автора монументальнаго для своего времени труда «Начальныя основанія государственнаго хозяйства».

Но сердцу Грибоѣдова ближе всего была литература. Не въ студенческіе ли годы родилось у него и горячее пристрастіе къ театру? Существуетъ предположеніе, что къ студенческой порѣ относятся первые литературные опыты Грибоѣдова. Въ нихъ — что особенно интересно — уже тогда стремился онъ изображать эпизоды дѣйствительной жизни въ драматической формѣ. Сохранилось свидѣтельство, что въ 1810 г. Грибоѣдовъ написалъ въ стихахъ трагедію «Дмитрій Дрянской», пародію на извѣстную трагедію Озерова «Дмитрій Донской»: онъ осмѣялъ здѣсь ссору русскихъ профессоровъ съ нѣмецкими изъ-за университетской залы. Подобно трагедіи Озерова, пародія Грибоѣдова начиналась совѣтомъ русскихъ, которые задумали изгнать изъ университета нѣмцевъ... Предстояла битва, но русскіе одержали безкровную побѣду. Профессоръ Дрянской, издатель журнала, выступилъ съ чтеніемъ перваго номера своего изданія. Нѣмцы не устояли и заснули...

Поле битвы осталось за русскими. Другой юмористическій очеркъ Грибоѣдова, къ сожалѣнію тоже до насъ не дошедшій, изображалъ въ лицахъ весь кружокъ ближайшихъ родныхъ, — вѣрнѣе — кружокъ того сановника-дяди, Алексѣя Федоровича Грибоѣдова, который явился, по преданію, прототипомъ Фамусова и претендовалъ на исключительное вліяніе на ходъ воспитанія юныхъ Грибоѣдовыхъ. Не съ этого ли наброска началась работа Грибоѣдова надъ «Горемъ отъ ума»? Весьма возможно, что комедія уже тогда родилась въ головѣ и сердцѣ юноши и росла въ немъ вмѣстѣ съ ростомъ его сознанія.

* *
*

Серьезный не по лѣтамъ, Грибоѣдовъ, дважды-кандидатъ, встрѣчалъ въ домашнемъ кругу не серьезное къ себѣ отношеніе. Настасья Федоровна смотрѣла на своего «Сашу», какъ на мальчика, воля котораго должна всецѣло находиться въ ея рукахъ. Она пренебрежительно, съ неудовольствіемъ смотрѣла на литературныя увлеченія своего сына и не стѣснялась подчасъ, въ присутствіи постороннихъ, задѣвать самолюбіе его насмѣшками и упреками: стремленіе къ литературѣ могло, по ея мнѣнію, помѣшать Александру Сергѣевичу сосредоточивать мысли на его будущей служебной карьерѣ. Настойчиво-проводимая и неосторожная опека раздражала юношу и вызывала стремленіе освободиться отъ нея какой угодно цѣной. Случай представился. Въ 1812 г., при приближеніи Наполеона къ Москвѣ, правительство обратилось къ молодымъ дворянамъ съ призывомъ поступать, для защиты родины, въ войска. Грибоѣдовъ рѣшилъ

прервать свои занятія въ университетѣ и, отвѣчая на призывъ правительства, поступилъ, вопреки воли матери, добровольцемъ въ армію. Это заставило его отложить намѣреніе готовиться къ докторскому экзамену, который открывалъ передъ нимъ дорогу къ мирной, чисто научной дѣятельности. Здѣсь былъ и патріотическій порывъ, и протестъ противъ рутины, его ожидавшей, и жажда свободной, кипучей, еще не извѣданной жизни.

Онъ поступилъ сначала въ московскій кавалерійскій полкъ, набиравшійся гр. П. И. Салтыковымъ. Полкъ, однако, собирался медленно и, пока онъ комплектовался, Наполеонъ успѣлъ покинуть Москву, а затѣмъ и Россію. Грибоѣдову предстояло вернуться подъ домашній кровъ, въ среду Фамусовыхъ, Хлестовыхъ, Молчалиныхъ, всѣхъ тѣхъ, кого онъ началъ ненавидѣть уже съ ранняго дѣтства. Настасья Федоровна усиленно продолжала, между тѣмъ, готовить ему чиновничью карьеру. Чтобы избѣжать или, по крайней мѣрѣ, отдалить періодъ семейно-бюрократической неволи, Грибоѣдовъ предпочелъ продолжать военную службу въ другомъ кавалерійскомъ полку. Онъ поступилъ въ иркутскій гусарскій полкъ, который стоялъ въ то время въ Брестъ-Литовскѣ; затѣмъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ ген. Кологривову, въ штабъ кавалерійскихъ резервовъ.

За эту независимость отъ семейно-сановной опеки Грибоѣдовъ заплатилъ многими годами тяжелыхъ разочарованій и сожалѣній. Впечатлительный и легко возбуждавшійся настроеніями окружающей жизни, Грибоѣдовъ предался сначала всѣмъ увлеченіямъ и проказамъ, которыми въ такой степени отличалась старая гусарская жизнь. Сохранились разсказы о нѣсколькихъ эпизодахъ изъ жизни юнаго офицера, — они сберегали память

о томъ, какъ, въ бытность свою въ полку, онъ дѣлилъ разгульныя забавы своихъ товарищей, отдавая дань и увлеченіямъ юности и господствовавшему въ офицерской средѣ того времени общему направленію и тону. Для насъ важнѣе, однако, другая сторона его знакомства съ военнымъ бытомъ: здѣсь увидалъ онъ грубыя стороны старой «солдатчины», героями которой были Скалозубы.

Но угаръ военной жизни продолжался не долго. Развлеченія, часто вздорныя и пошлыя, наскучили, отсталость и грубость нравовъ военной среды стала раздражать, и Грибоѣдова потянуло къ размышленію, — волновали мечты о творческой работѣ. Среди товарищей были не одни только герои кутежей и проказъ. Онъ подружился съ С. Н. Бѣгичевымъ, человѣкомъ въ высшей степени отзывчивымъ, честнымъ и добрымъ. Бѣгичевъ оказалъ на Грибоѣдова благодѣтельное вліяніе, чего поэтъ никогда не забывалъ. Другой офицеръ, также временно заброшенный въ бѣлорусскую глушь изъ шумнаго столичнаго свѣта, съ которымъ тоже сблизился здѣсь Грибоѣдовъ, былъ извѣстный драматургъ кн. А. А. Шаховской. Подъ его вліяніемъ Грибоѣдовъ принялся переводить и передѣлывать французскія пьесы. Но это не удовлетворяло Александра Сергѣевича — его тянуло къ самостоятельному творчеству. Онъ началъ испытывать себя въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Въ 1814 г. въ «Вѣстникѣ Европы» появляются первыя статьи Грибоѣдова, посланныя имъ изъ Брестъ-Литовска письма «О кавалерійскихъ резервахъ» и «Описаніе праздника въ честь ген. Кологривова», пользовавшагося славой гуманнаго и образованнаго человѣка. Въ томъ же году Грибоѣдовъ заканчиваетъ переводъ пьесы Creuzé de

Lesser »Le Secret du ménage» («Молодые супруги»). Уже въ этихъ первыхъ опытахъ Грибоѣдова сказались отличительныя особенности его дарованія — искрометный юморъ, бытовая наблюдательность и критическая мысль. Но въ то же время было замѣтно, что исканіе трезваго реализма не безъ труда прокладывало себѣ путь среди романтически-сентиментальныхъ вліяній, господствовавшихъ въ до-пушкинской литературѣ. И самый стихъ давался ему съ большимъ трудомъ — идеалъ простого, сжатаго и мѣткаго языка, какимъ былъ, напримѣръ, языкъ басенъ Крылова, требовалъ напряженныхъ усилій.

Грибоѣдову не удалось побывать ни въ одномъ сраженіи. Военная жизнь внѣ поля битвы стала тяготить юношу. Его потянуло въ Петербургъ къ инымъ людямъ, къ театру и литературѣ. Въ 1815 г. онъ испросилъ себѣ отпускъ, получилъ его и помчался въ сѣверную столицу, которой до тѣхъ поръ еще не видалъ. Тамъ около года онъ продолжалъ числиться на военной службѣ, пока въ мартѣ 1816 г. не было отставленъ отъ нея, по прошенію, «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ». Въ іюнѣ 1817 онъ, дѣйствительно, опредѣлился по гражданскому вѣдомству, поступивъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Годы военной службы оставили въ душѣ Грибоѣдова тяжелый слѣдъ. «Я въ этой дружинѣ всего пробылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ какъ не могу попасть на путь истинный», — писалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву 4 сентября 1817 года.

* * *

Переѣздъ въ Петербургъ имѣлъ громадное значеніе для Грибоѣдова. Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ

онъ «дичалъ», здѣсь онъ оказался въ обществѣ культурныхъ, мыслящихъ людей, патріотовъ, серьезно озабоченныхъ судьбами своей родины. Въ этомъ отношеніи Грибоѣдовъ ближе всего оказался къ тому кружку передовой офицерской молодежи, которая, побывавъ въ Западной Европѣ, вынесла оттуда чувство восхищенія передъ культурой и относительнымъ правовымъ порядкомъ государственной и общественной жизни. По возвращеніи на родину наиболѣе умственно-развитые и чуткіе офицеры были поражены печальнымъ контрастомъ, какой представляла собой русская дѣйствительность. Рабство народной массы, жестокій и самовластный образъ дѣйствій правительства, безправіе и невѣжество широкихъ общественныхъ круговъ — все это въ новомъ свѣтѣ предстало передъ ними и разбудило въ нихъ впервые, за весь періодъ существованія Россіи, чувство гражданской отвѣтственности за рабское и темное существованіе народа. Необходимость реформъ возникала сама собою. Чувство національнаго самолюбія требовало отъ гражданъ личнаго участія въ обсужденіи и подготовкѣ тѣхъ средствъ и дѣйствій, которыя должны были прежде всего снять съ русскаго народа позорное клеймо раба, управляемаго ничтожнѣйшими людьми, внѣ нормъ закона и опредѣленной системы.

Въ молодыхъ гвардейскихъ кружкахъ, проникнутыхъ этимъ настроеніемъ, воцарились новые нравы. Кутежи, попойки, грубое обращеніе съ солдатами отошли на второй планъ и стали почитаться недостойными и унижающими званіе человѣка. Научныя и литературныя занятія пріобрѣли въ глазахъ представителей новаго взгляда на міръ особую цѣнность. Стали особенно посѣщаться тѣ дома, гдѣ процвѣтали интересы литературы и

искусства. Имена людей, которые выдвигались на литературномъ поприщѣ, пріобрѣтали ореолъ почета и славы. Мы видимъ Грибоѣдова частымъ и желаннымъ гостемъ наиболѣе видныхъ литераторовъ. Онъ близко подружился съ П. А. Катенинымъ, въ которомъ особенно цѣнилъ тонкій художественный вкусъ и критическую проницательность. Онъ считалъ себя позже обязаннымъ именно Катенину зрѣлостью и оригинальностью своего таланта. Обширный кругъ артистовъ, артистокъ и литераторовъ другой, болѣе старой школы встрѣчалъ Грибоѣдовъ въ салонѣ кн. А. А. Шаховского, также вернувшагося въ Петербургъ. Записной театралъ и драматургъ, назначенный директоромъ императорскихъ театровъ, Шаховской отличался любезностью и веселымъ нравомъ. На его вечерахъ дышалось свободно, легко, съ той степенью артистической безпечности и острословія, какая съ давнихъ поръ установилась въ кругахъ, близкихъ къ театру. Тѣ же интересы — искусства, театра и литературы — сблизили Грибоѣдова съ А. А. Жандромъ и Н. И. Хмѣльницкимъ — оба были писатели, переводчики и пламенные поклонники театра, затѣмъ съ кн. А. И. Одоевскимъ и Н. И. Гречемъ. Дома онъ продолжалъ самообразованіе, читалъ иностранныхъ классиковъ, изучалъ греческій языкъ. «Я отъ этого языка съ ума схожу, — писалъ онъ Катенину 19 декабря 1817 г. — каждый Божій день съ 12-го часа до 4-го учусь, и уже дѣлаю большіе успѣхи. По мнѣ — онъ вовсе не труденъ».

* *
*

Нравственный обликъ Грибоѣдова въ эту пору ярко отразился въ воспоминаніяхъ его друзей и современниковъ. Бѣгичевъ говорилъ объ его неистощимой веселости, о бурномъ кипѣніи юныхъ силъ; А. А. Бестужевъ-Марлинскій отмѣчалъ, что Грибоѣдовъ, одаренный всѣмъ, что было необходимо для успѣховъ въ большомъ свѣтѣ, тяготился свѣтской жизнью и не любилъ ни натянутыхъ визитовъ, ни торжественныхъ обѣдовъ, ни блестящихъ празднествъ, такъ называемаго, «лучшаго общества». Банальныя вычуры свѣтскаго этикета были ему уже тогда невыносимы. «Кровь сердца всегда говорила у него въ лицѣ. Никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, несмотря на знатность особы, показалась бы инымъ катоновской суровостью, даже дерзостью». К. Н. Полевой удивлялся пылкому, всегда убѣдительному краснорѣчію Грибоѣдова. Было трудно слушать его и не раздѣлять его мнѣнія. Подобно всѣмъ исключительнымъ людямъ, онъ владѣлъ даромъ побѣждать и привязывать къ себѣ сердца, искренность и ясность его натуры были столь же привлекательны, какъ и пылкость его сердца.

Такъ отражался Грибоѣдовъ въ отзывахъ близко знавшихъ его лицъ. Тѣ же черты мы узнаемъ и въ воспоминаніяхъ А. С. Пушкина, который познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 г. Видѣвшіе ихъ вмѣстѣ должны были поражаться исключительнымъ своеобразіемъ натуръ обоихъ поэтовъ. Пушкинъ былъ пылокъ сердцемъ, легко воспламеняемъ, впечатлителенъ. Горячее слово рождалось у него интуитивно, часто прежде чѣмъ трезвая мысль могла бы успѣть его охладить. Грибоѣдовъ былъ пылокъ воображеніемъ, но

холоденъ въ словѣ — оно рождалось у него изъ мысли. Человѣчность Пушкина вскипала изъ сердца, вѣчно готоваго любить. Любовь Грибоѣдова къ людямъ питалась глубокими размышленіями о любви, какъ вѣчномъ началѣ жизни. Оба поэта поняли и оцѣнили другъ друга. Пушкинъ подмѣтилъ въ Грибоѣдовѣ его склонность къ меланхоліи, его озлобленный умъ, который не останавливалъ, однако, добрыхъ порывовъ души, и все въ немъ, не исключая слабостей и недостатковъ, казалось поэту необыкновенно привлекательнымъ. Встрѣчаясь въ обществѣ, они обмѣнивались шутливыми замѣчаніями, блистали остроуміемъ. Но истинно душевныя, дружескія отношенія, достойныя братства двухъ величайшихъ поэтовъ своего времени, у нихъ не сложились: обоимъ жилось по-разному суетно и трудно.

* *
*

Литературныя занятія Грибоѣдова шли своимъ чередомъ. 29 сентября 1815 г. писательское самолюбіе Грибоѣдова получило первое удовлетвореніе: комедія «Молодые супруги» была сыграна на петербургской сценѣ. Въ 1816 г., какъ свидѣтельствовалъ Бѣгичевъ, Грибоѣдовъ написалъ нѣсколько сценъ «Горя отъ ума»; между прочимъ въ нихъ онъ выводилъ на сцену жену Фамусова, типъ свѣтской дамы, сентиментальной поклонницы модъ. Въ 1817 г. была написана, въ сотрудничествѣ съ Катенинымъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ «Студентъ», гдѣ осмѣивались забавныя стороны сентиментальнаго романтизма. Любопытно, что уже въ этой комедіи, поражающей блескомъ бытового юмора, нѣкоторыя дѣйствующія лица носили черты, ко-

торымъ впослѣдствіи предстояло получить исчерпывающее развитіе въ «Горѣ отъ ума».

Въ 1818 г. Грибоѣдовъ обѣщалъ знаменитой въ то время артисткѣ Семеновой перевести для ея бенефиса одноактную комедію Барта (Thomas Barthe) »Les fausses infidélités». Онъ началъ переводить «Притворную невѣрность», но въ это время ему пришлось совершить поѣздку въ Нарву, — поэтому, не желая задерживать перевода, онъ просилъ Жандра помочь ему. Жандръ перевелъ двѣ сцены, а Грибоѣдовъ, по возвращеніи, исправилъ ихъ и включилъ въ свой переводъ. Въ томъ же году была сыграна комедія «Своя семья», гдѣ пять сценъ второго акта были написаны Грибоѣдовымъ. Въ 1819 г. Грибоѣдовъ написалъ небольшой водевиль «Проба интермедіи», въ которой онъ задался цѣлью, не претендуя ни на оригинальность, ни на идейность, посмѣшить публику въ бенефисъ артиста Брянскаго.

Всѣ эти сцены, переводы, наброски и чередовавшіяся съ ними замѣтки въ журналахъ служили только своего рода литературной школой для серьезнаго творчества. Въ нихъ не было ничего выдающагося, если не говорить о бойкомъ и живомъ языкѣ, который вырабатывался на нихъ и становился мало по малу послушнымъ орудіемъ грибоѣдовской мысли. Постепенно освобождаясь отъ вліяній различныхъ литературныхъ школъ, Грибоѣдовъ на этихъ опытахъ оттачивалъ мѣткость и остроту своего стиля, который отражалъ въ нихъ послѣдовательный ростъ его критической требовательности къ самому себѣ.

Не оставляя работы надъ «Горемъ отъ ума», поэтъ какъ бы испытывалъ себя на мелочахъ. Но въ то же время въ немъ крѣпло сознаніе, что ему даны силы свершить великое. Кругомъ онъ видѣлъ

равнодушіе къ общественному благу, убожество мысли, страхъ передъ умомъ и талантомъ. Его господствующимъ настроеніемъ рано становится страданіе личности, охваченной идеальнымъ порывомъ, но призванной жить среди ничтожныхъ, бездарныхъ и морально слѣпыхъ людей. Не понятый и не признаваемый обществомъ, человѣкъ съ умомъ и доблестью истиннаго патріота долженъ былъ или примиряться съ общественной средой или покидать Россію. Въ примѣненіи къ личности самого Грибоѣдова это означало — или влачить жизнь одного изъ тѣхъ, кому суждены были благіе порывы, но не было дано ничего совершить, или достичь вліятельнаго положенія путемъ служебной карьеры. Онъ, какъ никто, способенъ былъ оцѣнивать важность историческаго момента, который переживала Россія. Этотъ моментъ требовалъ людей широкаго кругозора, не только способныхъ оцѣнить исторически сложившіяся особенности Россіи — въ ея трудномъ положеніи между дикимъ Востокомъ и культурнымъ Западомъ, но и указывать вѣрный путь къ развитію русской общественной и политической мысли.

Въ будущемъ Россіи предстояло рѣшить великія и сложныя задачи. Откуда явятся люди для этой работы? Въ прошломъ, казалось Грибоѣдову, были натуры, могучія волей, движимыя ревностью къ славѣ родной земли. Современное измельчавшее общество забыло о нихъ и не имѣетъ передъ собой живыхъ примѣровъ. Быть можетъ, ихъ изображеніе могло бы напомнить современникамъ, кѣмъ и какъ строилась русская земля ... Такія мысли часто проносились въ умѣ Грибоѣдова — онъ набрасывалъ ихъ на бумагу въ формѣ отдѣльныхъ замѣтокъ и проспектовъ для будущихъ драмъ. Вѣроятно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ

событій освободительной войны Грибоѣдовъ набросалъ планъ исторической драмы. Въ ней, въ романтическомъ блескѣ чудеснаго, должны были воскреснуть тѣни «исполиновъ» — Святослава, Владиміра Мономаха, Іоанна, Петра. Онѣ должны были пророчествовать о «udoinѣ искупленія для России, если не для современниковъ, то для потомковъ; сіи, повѣствуя сынамъ, возбудятъ въ нихъ огонь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества».

Любопытно, что представителемъ «юнаго, первообразнаго» народа Грибоѣдовъ выводилъ героя-ополченца М. Крестьянинъ по происхожденію, этотъ ополченецъ совершаетъ рядъ подвиговъ, но дворяне-военачальники относятся къ нему пренебрежительно и по окончаніи войны отпускаютъ домой «съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію». Дворяне-военачальники — это тѣ офицеры, пренебрежительное отношеніе которыхъ къ сѣрому мужику-солдату, видимо, вызывало протестъ въ душѣ Грибоѣдова. По плану драмы, ополченецъ возвращается подъ палку господина. . . Онъ кончаетъ самоубійствомъ.

Подобное противоположеніе героя-крестьянина господамъ, юнымъ дворянамъ-военачальникамъ, особенно интересно для того времени. Подвиги дворянъ высокопарно воспѣвались тогда въ стихахъ и прозѣ, между тѣмъ, какъ роль безгласнаго и послушнаго народа оставалась въ тѣни. Грибоѣдовъ отмѣтилъ обратное въ молодомъ дворянствѣ: «отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезла» . . . Вспомнимъ, для параллели, слова Александра I: «меня окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ и интересами къ государству, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и своемъ повышеніи.

«О, мои бородачи — они гораздо лучше насъ!»

Въ какую сторону было направлено сочувствіе Грибоѣдова, доказывать излишне. Оно совпадало въ своемъ выраженіи съ тѣми же оцѣнками стараго русскаго крѣпостничества, какія оставили намъ декабристы — Александръ Бестужевъ и кн. С. Г. Волконскій. Когда Грибоѣдовъ думалъ и высказывался о судьбахъ Россіи, онъ являлся выразителемъ тѣхъ же заботъ, опасеній и надеждъ, которыя роднили его съ цѣлымъ кругомъ людей, проникнутыхъ патріотическимъ одушевленіемъ. Сближаясь съ ними въ бесѣдахъ о прошломъ и будущемъ Россіи, Грибоѣдовъ долженъ былъ посѣщать т. наз. «тайныя общества», гдѣ люди, объединяемые, глубоко или поверхностно, тѣмъ же настроеніемъ, могли свободно высказывать свои сужденія о текущихъ политическихъ событіяхъ и о желательныхъ реформахъ въ государственномъ механизмѣ. Общества должны были прикрываться покровомъ тайны, потому что правительство, продолжая средневѣковую традицію подавленія гражданской личности, стояло зорко на стражѣ всякаго «вольномыслія», понимаемаго въ смыслѣ обсужденія и критики правительственной системы. Какъ разновидность тайныхъ обществъ, носившая нѣсколько архаическій характеръ, существовали еще въ то время и масонскія ложи, въ которыя также проникало политическое броженіе умовъ. Въ спискахъ ложи «Соединенныхъ друзей» имя Грибоѣдова стояло рядомъ съ именемъ Чаадаева.

Здѣсь Грибоѣдовъ сближался съ людьми, которые во всякомъ случаѣ должны были оказывать на него, въ эту туманную пору его юности, просвѣтляющее и морализующее вліяніе. Выражая сочувствіе подчасъ крайнимъ теченіямъ политической мысли, Грибоѣдовъ, однако, не проявлялъ

склонности всецѣло отдаться политической работѣ. Въ эти кипучіе годы его тянуло къ самой жизни, къ ея блеску въ искусствѣ и въ живой красотѣ. Въ политикѣ онъ искалъ практическихъ результатовъ и не любилъ отвлеченныхъ теорій. Можетъ быть, его политическіе единомышленники, съ которыми онъ встрѣчался въ масонской ложѣ, отвлекали его отъ слишкомъ пылкихъ увлеченій театромъ, гдѣ поклоненіе сценическому искусству часто сопровождалось восторгами передъ красотой и граціей той или иной танцовщицы или артистки.

Однако успѣхи въ театральномъ мірѣ и посѣщенія свѣта не давали возможности Грибоѣдову сосредоточить свои мысли и чувства на одномъ какомъ-либо серьезномъ дѣлѣ. Онъ самъ испытывалъ потребность въ одинъ прекрасный день разомъ прекратить суету и зажить по иному. Судьба коварно помогла ему въ этомъ. Онъ оказался причастнымъ къ дуэли гр. А. П. Завадовскаго, съ которымъ жилъ на одной квартирѣ, съ графомъ В. А. Шереметевымъ изъ за балерины Истоминой. Дуэль окончилась трагически для Шереметева, и Грибоѣдовъ долго не могъ простить себѣ своего поведенія во всей печальной исторіи. Въ такомъ настроеніи онъ испыталъ непредолимое желаніе оставить на время Петербургъ. Въ это время Мазаровичъ, чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, только что назначенный повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи съ Персіей, предложилъ Грибоѣдову отправиться съ нимъ въ качествѣ секретаря. Сначала Грибоѣдовъ отказался. Когда же министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде повторилъ ему предложеніе уже отъ себя лично, онъ согласился съ тяжелымъ сердцемъ. Съ юморомъ, ему свойственнымъ, Грибоѣдовъ такъ описывалъ Бѣгичеву свой разговоръ съ министромъ. «Представь себѣ,

что меня непремѣнно хотятъ послать — куда бы ты думалъ? — въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ. Какъ я ни отнѣкивался, ничто не помогаетъ ... Я представлялъ ему (министру) со всевозможнымъ французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко бы было мнѣ цвѣтущія лѣта свои провести между дикообразными азіятцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь въ правѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ я самъ могу быть пріятенъ. Не смѣйся: я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ — чего же имъ еще надобно? ...

— Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія.

— Нисколько, ваше сіятельство. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; ихъ нѣтъ въ Персіи» ...

Однако жребій былъ брошенъ.

* *
*

Конечно, Грибоѣдовъ съ большимъ удовольствіемъ и пользой для себя отправился бы на Западъ, но судьба опредѣлила ему далекій Востокъ. Почтовый тарантасъ понесъ его въ концѣ августа 1818 г. съ одного края Россіи на другой, на ея отдаленнѣйшій южный рубежъ. Передъ нимъ замелькали картины русской природы, помѣщичьи усадьбы, постоялые дворы, охватила безконечность простора и дремы ... чисто русской дремы безъ конца. А что творилось въ душѣ? Грибоѣдовъ писалъ Бѣгичеву изъ Новгорода 30 августа: «Грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Нынче мои име-

нины. Благовѣрный князь, по имени котораго я названъ, здѣсь прославился... Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался; можетъ, и соименнаго ему секретаря посольства та же участь ожидаетъ».

Потомъ пошли степи, затѣмъ кавказскія горы, вершины, сверкающія вѣчными снѣгами, цвѣтущія долины и ущелья, дикіе люди, дикіе нравы, опасности... все это должно было взволновать и освѣжить душу Грибоѣдова и разбудить въ ней поэтическое чувство. Но очарованія новыми красотами перемежались у него съ тяжелыми воспоминаніями петербургской жизни и мрачными мыслями о томъ, что его ожидало. Въ Тифлисѣ, куда онъ прибылъ 21 октября 1818 г., онъ встрѣтился съ А. И. Якубовичемъ, который былъ также причастенъ къ несчастной дуэли Завадовскаго съ Шереметевымъ и послѣ дуэли высланъ на Кавказъ. Якубовичъ, считая Грибоѣдова косвенно виновнымъ въ смерти своего друга Шереметева, вызвалъ его на дуэль. Дуэль состоялась, Грибоѣдовъ былъ раненъ въ кисть лѣвой руки, послѣ чего противники примирились. Въ Тифлисѣ же Грибоѣдовъ представился начальнику кавказскаго края А. П. Ермолову и сблизился съ нимъ. Затѣмъ онъ продолжалъ свой путь въ Персію — въ тѣхъ же настроеніяхъ свѣжести, молодой грусти о прошломъ и поэтическихъ предвосхищеній. По пути къ Тегерану онъ писалъ Бѣгичеву (31 января 1819 г.): «Въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ, поощрялъ меня писать, и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ рукъ»... Эти строки набросалъ Грибоѣдовъ вперемежку съ описаніями грандіозныхъ красотъ Закавказья: душа настраивалась возвышенно и легко...

Письма Грибоѣдова изъ Персіи любопытны не только замѣчаніями о жителяхъ, власти и обычаяхъ этой страны, но и многозначительными намеками на Россію и русскіе порядки. Какъ ни осторожны были эти намеки, друзья могли легко открывать въ нихъ то, что хотѣлъ сказать Грибоѣдовъ. Они знали цѣну возмущенію Грибоѣдова рабскимъ состояніемъ Персіи и деспотизмомъ, который царилъ въ ней. «Рабы, мой любезный! — писалъ онъ Бѣгичеву въ февралѣ 1819 г. — И подѣломъ имъ! Ємѣютъ ли они осуждать верховнаго своего обладателя? Кто ихъ боится? У нихъ и историки панегиристы. И эта лѣствица слѣпого рабства и слѣпой власти здѣсь безпрерывна до бега, хана, беглеръ-бега и каймакама и, такимъ образомъ, выше и выше»... Сарказмъ этихъ строкъ пріобрѣталъ особое значеніе, если раскрыть въ нихъ намекъ на Карамзина, автора «записки о новой и старой Россіи», гдѣ онъ съ исторической точки зрѣнія освящалъ принципъ абсолютной власти. Грозныя филиппики будущихъ декабристовъ противъ абсолютизма раскрывали психологическую глубину возмущенія Грибоѣдова рабствомъ и системой приказно-чиновничьяго управленія въ тогдашней Россіи. Впрочемъ, русскіе судебные порядки были въ то время много лучше персидскихъ — такъ, по крайней мѣрѣ, сквозило въ дальнѣйшихъ словахъ Грибоѣдова. «Въ Персіи обвиняемыхъ наказывали вовсе безъ суда. Въ Европѣ, даже и въ тѣхъ народахъ, которые еще не добыли себѣ конституціи, общее мнѣніе по крайней мѣрѣ требуетъ суда виноватому, который всегда наряжаютъ. Криво ли, прямо ли судятъ — иногда не какъ хотятъ, а какъ велятъ, — подсудимый хоть имѣетъ право предъявить свое оправданіе». Стоитъ обратить особое вниманіе на слова о «народахъ, которые еще не до-

были себѣ конституціи», чтобы вспомнить тѣ пламенныя рѣчи въ пользу превращенія Россіи въ конституціонное государство, которыя въ тѣ годы служили крайними предѣлами политическихъ мечтаній молодой Россіи. А когда Грибоѣдовъ сравнивалъ персидскіе государственные порядки съ русскими, у него въ головѣ и въ наброскахъ уже созрѣвала его комедія. Она медленно, но ярко вырисовывалась на фонѣ его политическаго образа мыслей и критическаго отношенія къ русской современности.

* *
*

Прославленный Востокъ не вызвалъ въ Грибоѣдовѣ особаго восхищенія. Если кавказская природа не могла не остановить на себѣ его вниманія, то природа Персіи теряла свой, мѣстами поразительный, блескъ въ томъ сѣромъ туманѣ скуки и безразличія, которыя Грибоѣдовъ ощущалъ въ себѣ и вокругъ себя. И красоты, и опасности путешествія, вызывая изъ-подъ его пера сильныя и одухотворенныя строки, не вдохновляли его непосредственно и не влекли къ творчеству описательному и отвлеченному. Но они усиливали въ немъ настроенія той одинокой восторженности и грусти, когда слова рождаются свободно и напѣвно, и душа сама себѣ представляется вѣщей птицей, широко озирающей міръ изъ солнечныхъ глубинъ лазури. Кто, даже не поэтъ, взбирался по непроѣзжимъ кручамъ выше облаковъ, кто растворялся въ безпредѣльности степи, — тому знакомы эти настроенія. И Грибоѣдовъ, томимый печалью о своей безплодно погружаемой въ неизвѣстность жизни, легко представлялъ себя орломъ, готовымъ терзать свою добычу, или великаномъ, зовущимъ на бой цѣлый міръ...

Персія, своеобразная, красочно-пестрая, движимая дворцовыми интригами и фанатизмомъ народныхъ массъ, обираемыхъ владыками, встрѣтила Грибоѣдова, какъ и всю русскую миссію, негостепріимно. Россія грознымъ страшилищемъ надвигалась на Персію съ сѣвера и грозила захватить цѣлый рядъ ея областей. Въ самомъ управленіи Персіей господствовала смута и борьба партій. Англійская миссія вела свою лукавую и враждебную намъ политику. При этихъ условіяхъ было нелегко достойно утвердить русское вліяніе и положить начало планомѣрной политической работѣ. Ограниченный и мало даровитый Мазаровичъ не былъ способенъ заложить твердыя начала русскаго вліянія въ Персіи. Эта задача всецѣло выпала на Грибоѣдова, который вложилъ въ нее всю свою энергію и любовь къ Россіи. Въ числѣ вопросовъ, весьма существенно задѣвавшихъ національное достоинство Россіи, былъ одинъ вопросъ, на которомъ Грибоѣдовъ сосредоточилъ все свое вниманіе. Это былъ вопросъ о русскихъ плѣнныхъ, которыхъ персы обратили въ рабовъ и удерживали всѣми мѣрами въ качествѣ рабочей силы на виноградникахъ и въ поляхъ. Грибоѣдовъ поставилъ своей задачей добиться ихъ освобожденія и возвращенія на родину, и борьба, начатая имъ съ наиболѣе вліятельными классами персидскаго общества, обнаружила всю глубину его патріотической доблести и всю силу его воли. На его настойчивыя требованія, обращенныя къ шахскимъ сановникамъ, крупнѣйшіе землевладѣльцы, а съ ними и мусульманское духовенство, отвѣчали интригами и навѣтами на русскихъ вообще. Плѣнниковъ, если они выражали желаніе покинуть Персію, подвергали жестокимъ пыткамъ или стращали угрозами, что на родинѣ ихъ ждутъ тягчайшія кары. Зданіе русской

миссіи окружили персидской, якобы почетной стражей, а на дѣлѣ чтобы преграждать доступъ просителей. Но всѣ эти трудности не останавливали Грибоѣдова, угрозы и опасности не пугали. Лишь по нѣскольку словъ посвящалъ онъ своимъ усиліямъ въ этомъ направленіи въ замѣткахъ, но слова эти подчасъ были полны страшнаго смысла: «Хлопоты за плѣнныхъ. Бѣшенство и печаль. Голову мою положу за несчастныхъ моихъ соотечественниковъ» . . .

Можно представить себѣ радость Грибоѣдова, когда усилія его увѣнчались успѣхомъ, и ему поручено было сопровождать цѣлую партію плѣнныхъ, отпущенныхъ на волю, до предѣловъ русской земли. Это путешествіе совершилось среди проявленій самой бурной ненависти возбужденнаго населенія. «Мы отправляемся, — записывалъ Грибоѣдовъ, — въ насъ бросаютъ камнями, есть раненые». Сохранились лаконическія строки, которыя отражали глубокія движенія души, настроенной возвышенно и поэтически: «Днюемъ въ Марандѣ . . . Отправляемся . . . Пѣсни: «Какъ за рѣченькой слободушка»; «Во полѣ дороженька . . .» Воспоминанія. Невольныя слезы накатились на глаза».

Ермоловъ восторженно принялъ Грибоѣдова и тотчасъ же написалъ министру иностранныхъ дѣлъ, сообщая о заслугѣ и личныхъ достоинствахъ молодого секретаря. Но вмѣсто просимой для Грибоѣдова награды, получилъ отвѣтъ, что дипломатическому чиновнику не слѣдовало поступать такимъ образомъ, т. е. не слѣдовало быть рѣшительнымъ и твердымъ, хотя бы дѣло и шло о спасеніи сотенъ русскихъ жизней. Петербургъ той поры вырабатывалъ особый типъ дипломата — уклончиваго, почтительнаго и равнодушнаго.

По возвращеніи въ Тавризъ, Грибоѣдовъ про-

должалъ съ прежней настойчивостью отстаивать интересы Россіи. Его твердость и благородный характеръ на время побѣдили даже персовъ, и наслѣдный принцъ Аббасъ-Мирза, бывшій его злѣйшимъ врагомъ, примирился съ нимъ и исхлопоталъ ему у шаха знаки персидскаго ордена.

* *
*

Не было худа безъ добра и въ трехлѣтнемъ одиночествѣ Грибоѣдова въ Персіи. Онъ возмужалъ, еще болѣе окрѣпъ и мыслью и волей. Онъ остался добръ и расположенъ къ людямъ вообще, какъ и прежде, только былая безпечность покинула его: онъ пріобрѣлъ опытъ быть всегда настоpoжѣ и на словахъ и въ поступкахъ. Его жизнь текла безукоризненно и трезво; единственная слабость, которую онъ позволялъ себѣ, была любовь къ восточнымъ сластямъ. Время отдавалось работѣ. Александръ Сергѣевичъ продолжалъ много читать, въ совершенствѣ изучилъ персидскій языкъ — настолько, что могъ писать стихи по персидски, изучалъ исторію и нравы востока. Здѣсь, по свидѣтельству Бѣгичева, сложился планъ и прояснилась идея «Горя отъ ума». Въ чуждой обстановкѣ ярче долженъ былъ обозначиться тотъ символизмъ комедіи, который впослѣдствіи въ окончательной формѣ опредѣлилъ ея общественную и, скажемъ, политическую цѣнность. Снятые когда-то съ натуры образы сонной, консервативной, съ трудомъ просыпавшейся Москвы теперь пріобрѣтали исключительное значеніе, благодаря сопоставленіямъ ихъ съ тѣми идеалами знанія, свободы и гуманности, представителемъ которыхъ долженъ былъ явиться Чацкій. Въ самостоятельную творческую

работу незамѣтно, интуитивно вплетались общечеловѣческіе мотивы, сближавшіе художественную работу Грибоѣдова съ величайшими произведеніями европейской литературы.

Не подражая ни Мольеру, ни Виланду, Грибоѣдовъ въ этой работѣ являлся тѣмъ потомкомъ великихъ предковъ, который на основѣ, завѣщанной великими мастерами, умѣло воздвигалъ свое собственное зданіе. Теперь стихи давались Грибоѣдову легко: первые два акта комедіи были набросаны въ Персіи.

Въ концѣ 1821 г. Грибоѣдовъ былъ отправленъ въ Тифлисъ, чтобы сообщить Ермолову о войнѣ, которая разгоралась между Персіей и Турціей. Воспользовавшись предлогомъ леченія руки, сломанной въ пути, онъ просилъ Ермолова исхлопотать ему назначеніе при управленіи въ Тифлисѣ въ качествѣ секретаря иностраннаго отдѣла. Нессельроде уважилъ просьбу Ермолова, и Грибоѣдовъ получилъ назначеніе быть «секретаремъ по иностранной части» въ распоряженіи Ермолова.

Пребываніе Грибоѣдова въ Тифлисѣ было менѣе тягостно, чѣмъ въ Персіи. Цѣлые часы проводилъ онъ за отдѣлкой своей комедіи, импровизировалъ на рояли, или вчитывался въ персидскіе тексты. Здѣсь онъ началъ изученіе турецкаго и арабскаго языковъ. Находилъ онъ время и бывать въ обществѣ. Въ домѣ вдовы генерала Ахвердова встрѣтилъ онъ юную княжну Нину Чавчавадзе, ставшую впослѣдствіи его женой. Повременамъ онъ совершалъ поѣздки по окрестностямъ Тифлиса или сопровождалъ Ермолова въ его военныхъ объѣздахъ.

Ермоловъ былъ въ это время для Грибоѣдова предметомъ особеннаго восхищенія. Отзывы, которые Грибоѣдовъ оставилъ о немъ, были столь же характерны для самого Грибоѣдова, какъ и для

знаменитаго покорителя народовъ Кавказа: они рисовали идеалъ государственнаго дѣятеля, служившій яркимъ контрастомъ администраторамъ фамусовскаго типа, которыми былъ полонъ Петербургъ. Ермоловъ былъ — «превосходный человѣкъ», «славный человѣкъ», «мало того, что уменъ, нынче всѣ умны, но совершенно по-русски, на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи... — притомъ тьма краснорѣчія, и не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчасъ положить на бумагу». Этотъ генералъ хорошо замѣчалъ всѣ недостатки въ управленіи, ненавидѣлъ хвастовство и самодовольство начальниковъ, кражи и всякія злоупотребленія каралъ жестоко и справедливо. «Я не оправдываю его иныхъ самовольныхъ поступковъ, но вспомни, что онъ въ Азіи — писалъ Грибоѣдовъ дальше — здѣсь ребенокъ хватается за ножъ». Затѣмъ это былъ человѣкъ образованный, добрый и обходительный. У него было много свѣжихъ мыслей и глубокое знаніе людей всякаго рода. Наконецъ, для Грибоѣдова Ермоловъ являлся образцомъ патріота съ душой, стремленіями и способностями настоящаго государственнаго человѣка, то была словомъ — «умная русская голова».

Заканчивая второй актъ своей комедіи, Грибоѣдовъ чувствовалъ, что для ея продолженія ему необходимо освѣжить свои впечатлѣнія фамусовской Москвы, подновить краски: прошло вѣдь нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Грибоѣдовъ покинулъ Сѣверъ, а за эти годы произошло такъ много перемѣнъ въ Россіи.

* *
*

Весной 1823 г. Грибоѣдовъ получилъ отпускъ и отправился на Сѣверъ. Въ апрѣлѣ онъ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ присутствовалъ на свадьбѣ своего друга Бѣгичева, а затѣмъ уѣхалъ къ нему въ имѣніе Дмитріевское въ Тульской губ., гдѣ и закончилъ третье и четвертое дѣйствія «Горя отъ ума». Онъ тщательно отдѣлывалъ каждый стихъ, упрощая слова, стремясь создать разговорный языкъ. Затѣмъ въ сентябрѣ вернулся обратно въ Москву. Здѣсь онъ читалъ свою комедію только друзьямъ и просилъ ихъ сохранить ее въ глубокой тайнѣ. Но это неудалось: благодаря случайности, слухи о комедіи распространились, вызвали въ московскихъ кругахъ сильное волненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ возмущеніе. Различные представители московскаго общества узнавали въ ней себя и негодовали, собирались даже жаловаться въ Петербургъ. Брань и клевета, а рядомъ съ ними восторги друзей — таковъ былъ первый пріемъ, оказанный комедіи тѣмъ міромъ, который отразился въ ней, какъ въ зеркалѣ.

Въ это время голову Грибоѣдова туманила мечта посѣтить европейскія страны, чтобы имѣть общій запасъ наблюденій для объективной оцѣнки русской жизни. Въ 1824 г. онъ получилъ разрѣшеніе выѣхать заграницу для леченія и отправился въ Петербургъ въ началѣ іюня съ цѣлью сначала добиться цензурнаго одобренія пьесы, а затѣмъ поставить ее на сцену.

Въ Петербургѣ въ нѣкоторыхъ кругахъ общества Грибоѣдова ожидалъ блестящій пріемъ. Онъ читалъ свою комедію литературнымъ друзьямъ и скоро овладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ. Заграницу онъ не уѣхалъ и около года прожилъ въ сѣверной столицѣ — мѣшали хлопоты въ цензурѣ и — едва ли не главное — увлеченіе артисткой

Телешевой, которой онъ посвятилъ восторженное стихотвореніе:

О, кто она? Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?
И вдругъ — какъ вѣтръ ея полетъ!
Звѣздой разсыплется, мгновенно
Блеснетъ, исчезнетъ, воздухъ вьетъ
Стопою, свыше окрыленной...

Грибоѣдову было ясно, что его комедія должна нанести сильный ударъ міру застарѣлыхъ предразсудковъ и крѣпостническихъ понятій. Онъ усиленно хлопоталъ и самъ, и съ помощью вліятельныхъ друзей о постановкѣ комедіи на сцену или о напечатаніи ея. Но цензура того времени, служившая яркимъ выраженіемъ реакціонныхъ теченій въ правящихъ кругахъ, не давала разрѣшенія, несмотря ни на какія измѣненія текста, на которыя, скрѣпя сердце, шелъ авторъ.

Лишь Ѳаддѣй Булгаринъ, человѣкъ весьма несходный съ Грибоѣдовымъ ни въ образѣ мыслей, ни въ общественномъ темпераментѣ, выхлопоталъ право напечатать отрывки грибоѣдовской комедіи въ своемъ альманахѣ «Русская Талія». Успѣхъ комедіи, даже въ отрывкахъ, былъ необычайный. Всѣ стремились прочесть ее въ полномъ видѣ, и она ходила по рукамъ во множествѣ списковъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Когда критика получила возможность высказываться объ отрывкахъ, напечатанныхъ въ «Русской Таліи», она заговорила обо всей пьесѣ — настолько она считалась извѣстной читающей публикѣ. Критика отразила борьбу господствовавшихъ мнѣній. М. А. Дмитріевъ выразилъ сужденія старой консервативной Москвы,

задѣтой геніальной сатирой Грибоѣдова. Критикъ разглядѣлъ въ Чацкомъ только — «человѣка, который злословитъ и говоритъ все, что ни придетъ въ голову: естественно, что такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ»... Языкъ напечатанныхъ отрывковъ Дмитріевъ призналъ жесткимъ, неровнымъ и неправильнымъ: «во многихъ мѣстахъ слогъ совсѣмъ не разговорный, а книжный...» Статья Дмитріева была отвѣтомъ на статью Н. А. Полевого, который явился горячимъ поклонникомъ комедіи. «Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло, рѣзко и живо, — писалъ Полевой, — живая картина московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго русскаго языка въ стихахъ. Все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе». Литературнымъ спорамъ о комедіи не было конца.

Что переживалъ Грибоѣдовъ во время своихъ хлопотъ въ театральной цензурѣ, передѣлывая въ угоду ей стихи и цѣлые монологи, можно судить по его нѣсколькимъ словамъ, найденнымъ въ черновыхъ набросках: «Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было». Однако всѣ усилія не приводили ни къ чему: слова можно было мѣнять, приноравливаясь къ цензурѣ, но общее настроеніе бичующей сатиры оставалось неуловимымъ и неизмѣннымъ. И какъ ни былъ осторожен Грибоѣдовъ, направленіе его ума, его общее настроеніе, его дружескія связи съ людьми, бывшими у правительства на примѣтѣ, все это дѣлало Грибоѣдова чужимъ человѣкомъ въ томъ кругу, отъ котораго зависѣло разрѣшить постановку его пьесы на сцену или напечатать цѣликомъ.

Историкъ долженъ признать, что опасенія представителей придворной и крѣпостнической реакціи имѣли свои причины: комедія, дѣйствительно потрясала основы. Она прежде всего обличала поразительное лицемѣріе правящей власти, которая стремилась прикрыть аракчеевскіе пріемы управленія крѣпостной Россіей туманными обѣщаніями либеральныхъ реформъ и сочетать азіатское самовластіе съ духомъ европейской конституціи. Борьба двухъ міровъ въ пьесѣ Грибоѣдова вскрывала вопіющее противорѣчіе между истиннымъ характеромъ реакціонной власти и стремленіями болѣе развитыхъ и просвѣщенныхъ умовъ къ политической свободѣ. Комедія явилась для своего времени логическимъ завершеніемъ того умственнаго процесса, который обозначился въ молодой части русскаго общества вслѣдъ за освободительной войной 1812 г. Образованные, преимущественно гвардейскіе, офицеры, побывавшіе въ Европѣ, были поражены контрастомъ европейскихъ порядковъ съ тѣмъ, что они видѣли у себя на родинѣ. Они были оскорблены унизительнымъ положеніемъ, какое занимали представители знанія, таланта и гражданской доблести въ нашемъ отечествѣ. Жалкая посредственность, которую отъ верха до низа представлялъ собою правящій классъ Россіи, стала имъ ненавистна. Ихъ угнетало сознаніе, что русскій народъ, единственный во всей Европѣ, несетъ унизительное иго рабства, не будучи въ состояніи сбросить позорныя цѣпи варварства, наслѣдіе татарскаго ига.

Неудача Грибоѣдова въ постановкѣ «Горя отъ ума» объясняется не одной безпощадной правдой комедіи, но и нѣкоторыми особенностями личнаго характера поэта — его самостоятельностью сужденій, ироническимъ складомъ рѣчи и бли-

зостью къ опаснымъ «вольнодумцамъ». Изъ этихъ «вольнодумцевъ» особенно близки были къ Грибоѣдову кн. А. И. Одоевскій, А. А. Бестужевъ-Марлинскій, Ф. К. Рылѣевъ, В. К. Кюхельбекеръ, Д. И. Завалишинъ. Грибоѣдовъ очень полюбилъ Одоевскаго, который оказывалъ на него благодѣтельное вліяніе, умѣряя его порывы. Не даромъ Одоевскаго называли ангеломъ-хранителемъ поэта. То былъ молодой человѣкъ съ душой глубокой и нѣжной, съ мыслью проникновенной и устремленной къ добру; къ нему такъ шли жемчужные стихи Лермонтова:

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ
Поэзіи и счастья... Но, безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной...

За время отсутствія Грибоѣдова изъ Петербурга прежніе, не очень тайные кружки, имѣвшіе весьма расплывчатый характеръ, испытали внутреннюю перемѣну. Намѣтились опредѣленныя программы дѣйствій; теченіе, направленое къ рѣшительному устраненію абсолютизма, должно было замкнуться въ строго конспиративную организацію. Развилось настоящее тайное общество, идеи котораго во многомъ раздѣлялъ и Грибоѣдовъ. Если еще можно спорить о томъ, не былъ ли онъ въ немъ участникомъ и оффиціально принятымъ членомъ, то нельзя сомнѣваться, что онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ самыхъ радикальныхъ общественныхъ и политическихъ перемѣнъ, среди которыхъ отмѣна крѣпостного права и уничтоженіе абсолютизма въ управленіи, стояли на первомъ планѣ. Во всякомъ случаѣ А. И. Одоевскій, прекрасно знавшій всѣхъ членовъ тайнаго общества, считалъ Грибоѣдова принадлежащимъ къ нему.

Грибоѣдовъ однако не полагался особенно на успѣхъ задуманнаго политическаго предпріятія. Онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ, что рядомъ съ кучкой дѣйствительно убѣжденныхъ людей, въ тайныя общества втиралось много Репетиловыхъ, которые хотѣли «пошумѣть», пофигурировать и только. Но тѣмъ сильнѣе испытывалъ онъ боль за печальное умственное состояніе современнаго общества, пустота котораго, дѣтскіе предразсудки, эгоизмъ, равнодушіе къ знанію и таланту выводили его изъ себя. И будучи весьма радикальнымъ въ своихъ взглядахъ на необходимость политическихъ перемѣнъ въ Россіи, Грибоѣдовъ трезво оцѣнивалъ практическіе способы осуществленія замѣны одного строя другимъ. Усвоенная на дипломатической службѣ въ Персіи привычка къ большой сдержанности въ выраженіи своихъ политическихъ мнѣній помогала Грибоѣдову занять осторожную, отчасти, можетъ быть, скептическую позицію въ различныхъ кружкахъ тайнаго общества, куда, несмотря на всю конспиративность, какъ мы говорили, проникали легкомысленные люди.

Грибоѣдова хватало на все. Въ промежуткахъ между спектаклями и кулисами, хлопотами въ цензурѣ и чтеніемъ, онъ усидчиво работалъ подъ руководствомъ профессоровъ Казембека и Мирзы-Джафара, расширяя свои свѣдѣнія по Востоку. Онъ занимался также юридическими науками, философіей исторіи, политической экономіей. Шекспиръ смѣнилъ увлеченіе Байрономъ, который безотлучно сопровождалъ Грибоѣдова по Востоку. Однажды онъ прочелъ знаменитому Каратыгину 5-й актъ «Ромео и Джульеты» въ очень дурномъ французскомъ переводѣ. Восхищенный Каратыгинъ умолялъ Грибоѣдова перевести для него эту драму.

Грибоѣдовъ отвѣтилъ: «Перекраивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнѣе написалъ собственную трагедію, и лишь бы отсюда вонъ, — напишу непремѣнно». Возможно, что въ его головѣ уже носился замыселъ новой пьесы.

Повременамъ Грибоѣдовъ отвлекался отъ комедіи и писалъ стихи, набрасывалъ планы и отрывки будущей поэмы, переводилъ изъ Гете (Прологъ къ «Фаусту»). Вмѣстѣ съ кн. П. А. Вяземскимъ онъ написалъ водевиль «Братъ или сестра», положенный на музыку А. Н. Верстовскимъ.

Во всѣхъ этихъ занятіяхъ проходило время разрѣшеннаго Грибоѣдову отпуска, который затянулся уже на два года и кончался въ мартѣ 1825 г. Отъѣздъ Грибоѣдова на Востокъ складывался изъ разныхъ соображеній. Поѣздка на Западъ не удалась. Способности «государственнаго человѣка» искали себѣ приложенія въ той области, гдѣ онѣ могли бы принести наибольшую пользу — а кто лучше Грибоѣдова могъ разобраться въ путаницѣ русско-персидскихъ отношеній? Наконецъ, и въ высшихъ кругахъ администраціи, въ томъ же министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ были несомнѣнно оцѣнены дарованія Грибоѣдова, могли полагать, что молодого дипломата полезно удалить отъ опасностей и нѣкоторыхъ вліяній столичной жизни.

Грибоѣдовъ и самъ началъ тяготиться Петербургомъ. Не добившись разрѣшенія поставить комедію на сцену, глубоко разочарованный, волнуемый тяжелыми предчувствіями, собрался Грибоѣдовъ въ обратный путь. Душа его была полна мрачныхъ размышленій. Онъ оставлялъ за собой правительственную систему, которая сильнѣе, чѣмъ прежде, сжимала въ тиски мертваго формализма всѣ проявленія живой энергіи и ума. Общество

попрежнему жило вздорными интересами и сплетнями, сторонясь и остерегаясь, какъ чумы, малѣйшихъ признаковъ критической мысли. Рутина была тѣмъ страшнѣе, что она перевоплощалась въ военную муштру, командуя цѣлой огромной страной, какъ взводами отупѣлыхъ солдатъ. «Не могу пожаловаться, — писалъ онъ Бѣгичеву, — отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ — сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ — и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаивайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь и — надолго».

* *
*

Для своего возвращенія на Кавказъ Грибоѣдовъ избралъ длинный путь черезъ Кіевъ и Крымъ. Передъ отъѣздомъ ему удалось таки посмотрѣть «приватное» представленіе его комедіи на сценѣ театральнаго училища — посмотрѣть, какъ онъ выражался, какъ «коверкали» его пьесу.

Въ маѣ Грибоѣдовъ былъ въ Кіевѣ, который особенно красивъ въ это время. На поэта пахнуло историческими преданіями и красотой кіевскихъ далей. Онъ съ увлеченіемъ принялся знакомиться съ древностями и переживать прошлое. «Здѣсь я пожилъ съ умершими, — писалъ онъ 10 іюня кн. В. Ѳ. Одоевскому, — «Владиміры, Изъяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ... Природа великолѣпная. Съ нагорнаго берега Днѣпра на каждомъ шагу виды измѣняются. Прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ тишину Лавры или Софійскаго собора и какъ душѣ

просторно, когда потомъ выходишь на бѣлый свѣтъ; зелень, тополи и виноградники, чего нѣтъ у насъ!»

Въ числѣ знакомыхъ, привѣтствовавшихъ Грибоѣдова въ Кіевѣ, онъ встрѣтилъ князей Трубецкихъ, Бестужева-Рюмина, Муравьева. Они въ свою очередь были членами южнаго тайнаго общества и высказывали мысль о привлеченіи Грибоѣдова къ ихъ плану, но послѣдній или далъ уклончивый отвѣтъ, или не счелъ нужнымъ посвящать ихъ въ тайну своихъ отношеній къ сѣверному обществу въ Петербургѣ.

Въ Крыму, гдѣ Грибоѣдовъ провелъ вторую половину лѣта, капризная муза его молчала: не было подходящихъ внѣшнихъ условій. Сказывалось любопытное противорѣчіе его натуры: съ одной стороны — тяготѣніе къ людямъ, съ другой — исканіе одиночества. «Весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія и нѣтъ его для меня нигдѣ, — писалъ онъ Бѣгичеву 9 сентября изъ Симферополя... Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь прокатиться на четырехъ колесахъ: кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ. Воображеніе свѣжо, какой то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ... но остановки, отдыхи двухнедѣльные, двухмѣсячные для меня пагубны... задремлю, либо завьюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые».

Настроенія, которыя Грибоѣдовъ переживалъ во время пути, говорили о глубокой внутренней борьбѣ, о жаждѣ высокаго и прекраснаго, о сознаніи, что ему, много страдавшему, не удастся совершить ничего истинно великаго. Это великое неизбѣжно связывалось у него съ судьбами Россіи. Подчасъ

будущее Россіи представлялось ему мрачнымъ. Его пугало неуваженіе къ историческимъ традиціямъ и отсутствіе культурныхъ навыковъ въ огромной народной массѣ.

Подобныя мысли связывались у Грибоѣдова съ мучительными припадками тоски. «Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду! — просилъ онъ Бѣгичева въ томъ же письмѣ. — Я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть! не знаю, отчего это такъ долго тянется»...

Порой тоска приводила Грибоѣдова къ мысли о самоубійствѣ, но онъ мужественно боролся съ нею. Въ такомъ настроеніи онъ прибылъ, мѣсяцъ спустя, на Кавказъ, представился Ермолову и просилъ назначить его добровольцемъ въ экспедицію въ горы. Онъ былъ зачисленъ въ отрядъ ген. Вельяминова, который дѣйствовалъ противъ чеченцевъ. «Теперь это меня нѣсколько занимаетъ, — писалъ Грибоѣдовъ 7 декабря Бѣгичеву, — борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ»... Объ Ермоловѣ онъ продолжалъ отзываться хорошо, но давалъ понять своему другу, что не одобряетъ его завоевательной системы. Конечно, при существовавшихъ тогда условіяхъ переписки, онъ могъ говорить объ этомъ весьма глухо: «дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей». Сердца кабардинцевъ могли бы быть привязаны проявленіемъ «рыцарства».

Въ виду непріятеля, у подошвы грандіозныхъ горъ, написалъ Грибоѣдовъ стихотвореніе «Хищники въ Чегемѣ», гдѣ отразилъ нѣсколько острыхъ моментовъ кровавыхъ схватокъ съ горцами. Но трудно было бы опредѣлить истинное

настроеніе поэта, когда онъ говорилъ здѣсь о лѣсахъ, подожженныхъ солдатами, гдѣ скрывались горцы, и о дѣлежѣ добычи. Отъ имени горцевъ, защищавшихъ свою свободу, поэтъ писалъ:

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева!
Тѣ же льдяныя громады,
Тѣ же съ ревомъ водопады!
Та же дикость, красота
По ущельямъ разлита!

Наши камни, наши кручи,
Русь! зачѣмъ воюешь ты?

По всей пьесѣ прошла какая то двойственность — стремленіе забыться, можетъ быть, — исканіе пули, и затаенный, мучительный сарказмъ надо всѣмъ — и надъ побѣдителями, и надъ горцами, и надъ самимъ поэтомъ, который участвовалъ въ наступленіи и въ то же время понималъ отвагу защитниковъ свободы:

Узникамъ удѣлъ обычный, —
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука:
Узы — жребій имъ приличный —
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темничный!
И ужасенъ ли обмѣнъ? —
Дома — цѣпи! Въ чужѣ — плѣнъ!

Патріотическое чувство поэта могло находить впрочемъ отраду въ бесѣдахъ со знаменитымъ партизаномъ войны 1812 г., Денисомъ Давыдовымъ, который очаровалъ его. Экспедиція противъ горцевъ принесла Грибоѣдову вмѣстѣ съ физическимъ утомленіемъ и нѣкоторое моральное облегченіе. Съ тѣмъ же живымъ интересомъ, съ

какимъ онъ принимался за всякое дѣло, началъ Грибоѣдовъ вникать и во всѣ детали русско-кавказскихъ отношенiй, но въ разгарѣ этой работы, среди волнующихъ впечатлѣнiй и опасностей походной жизни, неожиданно поступилъ къ Ермолову приказъ арестовать Грибоѣдова и отправить его въ Петербургъ, вмѣстѣ со всѣми бумагами, какiя окажутся при немъ.

*　　　*
*

Это было 22 января 1826 года, когда Ермоловъ и Грибоѣдовъ находились въ крѣпости «Грозная» вдали отъ Россiи — гдѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ совершились событiя громаднаго значенiя.

19 ноября 1825 года умеръ имп. Александръ I. Россiя присягнула на вѣрность его брату Константину, оставаясь въ полной неизвѣстности, что послѣднiй еще два года тому назадъ отказался въ пользу своего младшаго брата Николая. Неопредѣленное положенiе, которое создалось въ этихъ обстоятельствахъ, возбудило въ горячихъ умахъ членовъ Сѣвернаго тайнаго общества надежду на возможность, путемъ военнаго возмущенiя, установить въ Россiи представительный образъ правленiя. Наступилъ роковой день 14 декабря. Вспыхнувшiй мятежъ былъ подавленъ, заговоръ раскрытъ и участники схвачены и отданы для суда верховной слѣдственной комиссiи. Какъ извѣстно, пять человѣкъ изъ нихъ были казнены, остальные понесли тяжелыя наказанiя. Во время суда надъ ними кн. Трубецкой и кн. Евг. Оболенскiй назвали, со словъ Рылѣева, въ числѣ членовъ тайнаго общества и Грибоѣдова, принятаго будтобы за два или за три мѣсяца до 14 декабря. Это

указаніе, несмотря на то, что Рылѣевъ опровергалъ его, послужило поводомъ къ аресту Грибоѣдова. Разсказываютъ, что, когда фельдъегерь Уклонскій прибылъ къ Ермолову съ приказомъ объ арестѣ Грибоѣдова, Ермоловъ далъ возможность поэту уничтожить опасныя для него бумаги. Пакетъ съ прочими бумагами былъ переданъ фельдъегерю, и онъ доставилъ его во дворецъ, — однако и этотъ пакетъ какимъ-то образомъ не оказался въ рукахъ слѣдственной комиссіи. Арестъ не испугалъ и не удручилъ Грибоѣдова. Напротивъ, онъ былъ веселъ и, прощаясь, увѣрялъ своихъ знакомыхъ, что скоро они увидятся вновь. Послѣ кратковременной остановки въ Москвѣ, Грибоѣдовъ 11 февраля прибылъ въ Петербургъ и былъ посаженъ на гауптвахту главнаго штаба. На допросахъ и въ письменныхъ показаніяхъ Грибоѣдовъ обнаружилъ удивительное хладнокровіе и предусмотрительность. Онъ взвѣшивалъ каждое слово и не давалъ ни малѣйшему волненію проступить наружу. Онъ твердо отстаивалъ независимость своего образа мыслей, но утверждалъ, что замыслы тайнаго общества были ему совершенно неизвѣстны. Другіе декабристы, спрошенные о Грибоѣдовѣ, или отрицали его причастность къ тайному обществу, или отзывались незнакомствомъ съ нимъ. Съ большимъ искусствомъ провелъ Грибоѣдовъ и свои устныя показанія, гдѣ онъ объяснилъ, что онъ понималъ и подъ свободой слова и подъ возвратомъ къ старинѣ. Конечно, эти объясненія были натянуты. Но они были согласны съ требованіями защиты въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ производилось слѣдствіе. Слѣдственная комиссія отнеслась благопріятно къ показаніямъ Грибоѣдова и даже составила резолюцію объ его непричастности

къ заговору, но имп. Николай не согласился съ нею и распорядился усилить тюремныя строгости. Нѣкоторые члены комиссіи были удивлены и полагали, что у императора имѣлись какія-либо особыя свѣдѣнія о виновности Грибоѣдова. Такое отношеніе Николая Павловича къ поэту находило себѣ впрочемъ нѣкоторое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что Грибоѣдовъ пріѣхалъ изъ свиты Ермолова, который не пользовался расположеніемъ императора. Покоритель Кавказа состоялъ самъ подъ подозрѣніемъ. Носились слухи, еще до 14 декабря, что ни Ермоловъ, ни его войска не пожелаютъ присягать Николаю, и что въ самой Грузіи существовало будто бы свое тайное общество, съ тѣми же политическими цѣлями.

Свои тюремные досуги Грибоѣдовъ наполнялъ чтеніемъ. Онъ просилъ доставлять ему то стихотворенія Пушкина, то Чайльдъ-Гарольда, то академическіе журналы. Будучи не твердъ въ математикѣ, онъ заставилъ Завалишина заниматься съ нимъ этой наукой. Дѣло о немъ тянулось, не привлекая новыхъ уликъ, до конца мая. Наконецъ, 2 іюня 1826 г. военный министръ объявилъ высочайшій приказъ объ освобожденіи Грибоѣдова изъ-подъ стражи. Императоръ положилъ такую резолюцію на его дѣлѣ: «отпустить съ очистительнымъ аттестатомъ»; кромѣ того Грибоѣдовъ былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и получилъ не въ зачетъ годовое жалованье.

Новѣйшіе изслѣдователи грибоѣдовскаго дѣла приходятъ къ заключеніямъ инымъ, чѣмъ тѣ, которыя легли въ основу постановленія комиссіи. Они болѣе склонны признать, что Грибоѣдовъ былъ не только идейно близокъ къ декабристамъ, но и состоялъ фактическимъ членомъ тайнаго общества.

* * *

Лѣто Грибоѣдовъ провелъ у Булгарина въ его уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ. Онъ видѣлся только съ близкими людьми, по обыкновенію много читалъ и занимался музыкой. Фантазіи его и импровизаціи отзывались, — по отзыву Булгарина, — глубокимъ чувствомъ меланхоліи. Арестъ, слѣдствіе, поведеніе нѣкоторыхъ декабристовъ на судѣ, ихъ непродуманныя показанія, незрѣлость ихъ плановъ — все это должно было оставить горькій осадокъ въ душѣ Грибоѣдова. Съ другой стороны онъ содрагался отъ ужаса, когда ему сообщали о казняхъ, ссылкахъ и всякаго рода другихъ жестокостяхъ, чинимыхъ надъ декабристами. Эти извѣстія отравляли радость освобожденія. Въ стихахъ, написанныхъ въ эти дни, онъ говорилъ:

Лугъ шелковый, мирный лѣсъ!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небесъ!
Тихо плещущія воды!
Мнѣ-ль возвращены назадъ
Всѣ очарованья ваши?
Снова-ль черпаю изъ чаши
Нескудѣющихъ отрадъ?
Будто сладостно-душистой,
Въ воздухъ пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и нѣгой чистой.
Но... гдѣ другъ? но ... я одинъ!

Въ томъ кризисѣ, который совершился въ душѣ Грибоѣдова, замѣтно звучала одна скорбная нотка: онъ чувствовалъ себя не только одинокимъ въ смыслѣ друзей, но и отчужденнымъ отъ народа, къ которому его влекло какъ волну, брошенную на каменистый утесъ, влечетъ обратно къ соединенію

съ родной стихіей. Наслушавшись однажды на островахъ народныхъ пѣсенъ, онъ записалъ свои впечатлѣнія и мысли: «Родныя пѣсни. Куда занесены вы со священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?.. Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, на тотъ поврежденный классъ полуевропейцевъ, къ которому и я принадлежу... Ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими?.. Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда былъ занесенъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ, конечно бы, заключилъ изъ рѣзкой противуположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами».

Эти мысли не единственное свидѣтельство глубокой народности Грибоѣдова. Врагъ узкаго націонализма, онъ былъ безконечно націоналенъ въ томъ благородномъ пониманіи этого слова, которое разсматриваетъ національную культуру каждаго изъ народовъ, какъ свободно и самобытно распускающійся цвѣтокъ въ саду общечеловѣческой культуры. Требованіе свободы и самобытности въ національномъ развитіи приводило Грибоѣдова къ отрицанію въ русской исторіи всего, что казалось ему искусственнымъ, заемнымъ, не воспринятымъ органически. Таковою представлялась ему дѣятельность Петра Великаго: заботы царя-преобразователя о насильственной прививкѣ европейской цивилизаціи не вызывали его сочувствія. Грибоѣдовъ не былъ въ то же время ни славянофиломъ, ни врагомъ Запада. Онъ сочувствовалъ всѣмъ политическимъ формамъ, которыя обезпе-

чивали наибольшую степень гражданской свободы. Но по отношенію къ Россіи ему хотѣлось бы, чтобы всѣ блага культуры, не исключая и благъ гражданской свободы, явились слѣдствіемъ самодѣятельности народа, а не искусственной прививкой, принимающей на русской почвѣ уродливыя формы. Идея какого бы то ни было мессіанизма, свойственная славянофиламъ, была ему такъ же чужда, какъ и идея отрицанія, напримѣръ, Мольера, Шекспира или Байрона, этихъ величайшихъ выразителей генія европейской культуры. Свое чувство народности онъ измѣрялъ изученіемъ національныхъ и исторически-завѣщанныхъ свойствъ русскаго народа и предпочиталъ скорбѣть объ его невѣжествѣ и рабствѣ, чѣмъ утѣшать себя какими-либо общими идеями о превосходствѣ этого народа надъ всѣми другими, объ особенной миссіи, предназначенной ему свыше. Правда была дороже Грибоѣдову всякихъ обольщеній. Онъ переживалъ грустныя раздумья о грядущихъ судьбахъ русскаго народа, душѣ котораго свойственно, казалось ему иногда, разрушительное начало, и не тѣшилъ себя мечтами о міровомъ величіи Россіи. Въ то же время въ русской душѣ было для Грибоѣдова нѣчто такое, что онъ безконечно любилъ: ея величавую простоту, отраженную въ величавой же простотѣ домашняго быта, ея глубокую поэзію, напѣвную, выстраданную и разлившуюся грустью по безконечнымъ степямъ и равнинамъ. Эта поэзія народной души и была для Грибоѣдова той національной стихіей, по которой онъ тосковалъ и изъ которой онъ черпалъ свои вдохновенія. И по сравненію съ величавой простотой — этой эмблемой русскаго духа для Грибоѣдова — такъ жалки были всѣ эти смѣшныя, внѣшнія подражанія европейскимъ вкусамъ и модамъ, которые легкомы-

сленно перенимались нашими умственными и моральными недорослями у заѣзжихъ французиковъ изъ Бордо и нѣмецкихъ подмастерьевъ, обучавшихъ россійское юношество. Если наши Тугоуховскіе недалеко отошли еще отъ Простаковой, а наши Митрофанушки не научились еще цѣнить географію и математическія науки, и если этотъ историческій моментъ въ ихъ развитіи былъ той правдой, которая для Грибоѣдова была дороже лицемѣрнаго европеизма, то Тугоуховскимъ и Митрофанамъ всѣхъ категорій до-петровскій кафтанъ былъ ближе и шелъ болѣе къ лицу, чѣмъ европейскій фракъ. Этимъ символическимъ примѣромъ, въ пламенной рѣчи Чацкаго, Грибоѣдовъ ярко оттѣнилъ свое стремленіе къ правдѣ, національной и исторической, какова бы она ни была.

Въ области политики Грибоѣдовъ оставался тѣмъ же трезвымъ раелистомъ, какъ и во всемъ: многомилліонный народъ, проложившій себѣ путь въ своемъ многовѣковомъ историческомъ развитіи, среди многихъ чуждыхъ ему народовъ, долженъ былъ продолжать развиваться въ границахъ разумно понятаго національнаго эгоизма. Нельзя было прекратить войны на Кавказѣ и на Востокѣ однимъ принципіальнымъ отрицаніемъ войны, когда Россіи, дурно управляемой и крѣпостнической, приходилось отстаивать свои народные интересы отъ племенъ и народовъ еще болѣе отсталыхъ, еще болѣе угнетенныхъ и управляемыхъ еще болѣе безчеловѣчно. Приходилось помогать этой борьбѣ и въ то же время возлагать надежды на общій подъемъ просвѣщенія и культуры среди отсталыхъ народовъ. Но лично Грибоѣдову не хотѣлось бы являться дѣятельнымъ членомъ той правительственной системы, которая была призвана поддерживать идею о политической мощи

Россіи. Онъ предпочелъ бы остаться свободнымъ дѣятелемъ искусства, служителемъ идей любви къ родинѣ и человѣчеству. Но судьба была съ нимъ не въ ладу.

* * *

Послѣ лѣтняго отдыха Грибоѣдову снова предстояло рѣшать, какъ жить дальше. Хотѣлось читать, изучать, творить, но для этого необходима была матеріальная обезпеченность. Жалобы матери на разстройство денежныхъ дѣлъ угнетали. Служебная карьера открывала возможность создать общественное положеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и вліяніе на русскія дѣла, если не внутри страны, то, по крайней мѣрѣ, за ея предѣлами. Эта борьба разнородныхъ интересовъ разрѣшилась тѣмъ, что, уступая желаніямъ матери, Грибоѣдовъ вернулся къ своему посту на Кавказъ, гдѣ гр. И. Ф. Паскевичъ вскорѣ смѣнилъ Ермолова.

Желанія матери стояли всегда въ рѣзкомъ противорѣчіи съ личными наклонностями Александра Сергѣевича. Мать постоянно старалась навязать ему свои понятія объ его счастьи, однако при этомъ она забывала или не цѣнила самаго главнаго, именно того, чѣмъ свѣтилась его душа: влеченія къ литературѣ. Внутренняя борьба между ними была неизбѣжна, и Грибоѣдовъ, по существу любящій и заботливый сынъ, высказалъ однажды въ письмѣ къ А. И. Одоевскому горькія слова: «чтобы быть художникомъ, надо родиться безроднымъ». Мать не прекращала своей опеки надъ сыномъ никогда, а сынъ не переставалъ считаться съ ея волей и не разъ ломалъ себя, въ угоду ей. Такъ, онъ уступилъ ей и въ данномъ случаѣ — въ августѣ 1826 г. поѣхалъ продолжать свою дипломатическую службу на Кавказъ.

Прибытіе Грибоѣдова на Кавказъ неудачно совпало съ моментомъ самой напряженной борьбы между Паскевичемъ и Ермоловымъ, и онъ оказался въ очень трудномъ положеніи. Съ Ермоловымъ его связывали давнишнія дружескія отношенія, но самъ Алексѣй Петровичъ казался ему человѣкомъ стараго вѣка и старыхъ пріемовъ управленія краемъ; критически относился Грибоѣдовъ и къ его способамъ веденія войны съ персами. Съ Паскевичемъ Грибоѣдовъ не только былъ друженъ, но находился и въ родствѣ. «Плохое мое житье здѣсь, — писалъ онъ Бѣгичеву изъ Тифлиса 9 декабря. — На войну не попалъ: потому что А. П. туда не попалъ. А теперь другого рода война. Два старшіе генерала ссорятся, съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлажденія прежней дружбы... Старикъ нашъ человѣкъ прошедшаго вѣка. Несмотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться онъ не можетъ и не умѣетъ»...

Послѣ нелегкой внутренней борьбы, Грибоѣдовъ перешелъ на службу къ Паскевичу, что, конечно, сильно огорчило Ермолова. Все это было тяжело Грибоѣдову. «Буду ли когда-нибудь независимъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и, можетъ статься, наперекоръ судьбѣ. Поэзія!.. Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить. И, наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина:

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ?.. Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ равнодушнѣе нашъ Сардаръ, — я думаю даже, что онъ ихъ ненавидитъ».

Паскевичъ, приходившійся двоюроднымъ братомъ матери Грибоѣдова, приблизилъ его къ себѣ и пользовался его совѣтами и знаніемъ Востока. Въ апрѣлѣ 1827 г. Грибоѣдовъ, уже по приказу Паскевича, принялъ въ свое вѣдѣніе сношенія съ Турціей и Персіей, т. е. фактически продолжалъ то же дѣло, какое поручено было ему Ермоловымъ. Въ маѣ онъ сопровождалъ Паскевича въ походъ на Эривань. Какъ извѣстно, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, персы нарушили миръ, неожиданно напавъ на русскій пограничный постъ, и тѣмъ вызвали съ русской стороны возобновленіе военныхъ дѣйствій. Отвѣтомъ на это нападеніе и былъ походъ Паскевича на Эривань. Неоднократно Паскевичу приходилось свидѣтельствовать личную неустрашимость поэта во время стычекъ съ непріятелемъ и то удивительное хладнокровіе, съ которымъ Грибоѣдовъ спокойно, безъ видимой необходимости, прогуливался верхомъ подъ пулями враговъ. Среди непрерывныхъ занятій и трудностей томительныхъ переходовъ подъ палящимъ солнцемъ Грибоѣдовъ восхищался видами природы, наблюдалъ бытовыя и этнографическія сцены, изучалъ памятники старины. Русскія войска заняли Эриванскую и Нахичеванскую области, и персы заговорили о мирѣ. Вся тяжесть переговоровъ, какъ и самое заключеніе мира, упали на Грибоѣдова. Нѣсколько дней онъ велъ съ

принцемъ Аббасъ-Мирзой напряженные споры объ условіяхъ мира. Грибоѣдовъ говорилъ при этомъ Аббасъ-Мирзѣ: «При окончаніи каждой войны, несправедливо начатой съ нами, мы отдаляемъ наши предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непріятеля, который бы отважился переступить ихъ» . . . Грибоѣдовъ отстаивалъ значительную военную контрибуцію и уступку Россіи Эриванской и Нахичеванской областей. Послѣ различныхъ эпизодовъ военнаго характера и борьбы со всевозможными ухищреніями со стороны персовъ, чтобы смягчить условія мира и оттянуть подписаніе трактата, послѣдній былъ, наконецъ, подписанъ 10 февраля 1828 г. Грибоѣдовъ выказалъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда длились переговоры, изумительное дипломатическое искусство, твердость, осторожность и знаніе персидскихъ нравовъ.

Когда Туркманчайскій миръ сталъ совершившимся фактомъ, Грибоѣдовъ могъ со справедливой гордостью сказать, что этотъ миръ, столь почетный и выгодный для Россіи, былъ созданіемъ его дипломатическаго генія. Въ награду за его труды Паскевичъ отправилъ его въ Петербургъ съ почетнымъ порученіемъ представить импратору сообщеніе о мирѣ и текстъ договора.

* *
*

14 марта 1828 г. Грибоѣдовъ былъ благосклонно принятъ императоромъ. Николай Павловичъ наградилъ его чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ св. Анны 2 степени, медалью за войну и 4, 000 червонцевъ. Встрѣченный поздравленіями и привѣтствіями со всѣхъ сторонъ, Грибоѣдовъ не испытывалъ однако ни удовлетворенія, ни радости. Онъ мечталъ объ отдыхѣ и досугѣ для литератур-

ной работы. Съ Кавказа онъ привезъ нѣсколько сценъ новой пьесы — «Грузинская ночь», полной мотивовъ необузданнаго своенравія, жестокости и мщенія. Сюжетъ пьесы напоминалъ шекспировскую тему: месть матери князю, котораго она вскормила, за ея сына-отрока, отданнаго другому властителю въ обмѣнъ за коня. Месть — не высшій судъ, зло не карается зломъ — такова тема. Свойственный Грибоѣдову скрытый символизмъ предполагалъ аналогіи съ темами изъ живой русской дѣйствительности: продажа помѣщиками дѣтей своихъ крѣпостныхъ, какъ самая возмутительная форма насилія, издавна была предметомъ горячаго протеста въ душѣ Александра Сергѣевича.

Возможно, что съ замысломъ «Грузинской ночи» ассоціировались и другіе мотивы — изъ только что разыгравшейся декабристской драмы.

Аналогичная тема намѣчалась и въ наброскѣ поэмы, озаглавленномъ Кальянчи. Прекрасный юноша былъ оторванъ отъ семьи и отданъ въ рабство на чужбину. Тамъ, сопровождая караванъ, онъ вынужденъ былъ вступить въ бой съ горцами. Послѣ битвы Кальянчи въ одномъ изъ труповъ узналъ отца. Онъ былъ лишенъ даже утѣшенья оплакать и похоронить его. Но мотива мщенія нѣтъ въ наброскѣ: изображается только скорбь.

Сюжетъ трагедіи «Родамистъ и Зенобія» вышелъ изъ тѣхъ же психологическихъ предпосылокъ: жизненныя стремленія отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ должны подчиняться высшимъ началамъ разума и морали. Толпа придворныхъ, раболѣпствующая предъ восточнымъ деспотомъ, задумываетъ освободиться отъ «утѣснителя». Намѣчаются различные характеры — доблестныхъ патріотовъ, льстецовъ и предателей. Лукавый царь Востока пытается склонить на свою сторону

римскаго посла Касперія, но тотъ остается непоколебимъ. Царь спрашиваетъ себя: «къ чему такой человѣкъ, какъ Касперій, въ самовластной имперіи? — опасенъ правительству и самъ себѣ бремя, ибо иного вѣка гражданинъ». Любопытно, что и въ этой пьесѣ, видимо, центральное положеніе занимала личность, стоящая въ противорѣчіи со своей средой и со своимъ вѣкомъ — тема, характерная для Грибоѣдова. Въ исторической обстановкѣ трагедіи обозначились положенія и дѣйствія, подсказанныя персидскими впечатлѣніями. Роль Рима, со славными подвигами въ прошломъ и позднѣйшимъ упадкомъ нравовъ, могла играть Россія. Самыя имена — Родамистъ и Зенобія — были взяты Грибоѣдовымъ, — вѣроятно, для отвода цензурныхъ глазъ — изъ трагедіи Кребильона.

Въ такихъ направленіяхъ шли у Грибоѣдова пути творческихъ возможностей въ будущемъ. Общій фонъ ихъ прокладывался мрачными красками: трагическій элементъ замысловъ готовилъ читателя къ сценамъ ужаса и скорби. Чувствовалось, что тѣ же элементы господствовали и въ душѣ автора, уставшей отъ разочарованій и мукъ раздвоенія и внутренней борьбы.

Кто могъ раскрыть намеки личныхъ обстоятельствъ, отразившихся въ этихъ замыслахъ? Увлекаясь когда то идеей послужить славѣ и величію родины, Грибоѣдовъ, какъ чиновникъ, долженъ былъ являться частицей того правительства, политику котораго въ глубинѣ души онъ не могъ одобрять. Писательское достоинство было унижено и оскорблено въ немъ пренебреженіемъ толпы невѣждъ и завистью глупцовъ. Душа жаждала тишины и досуга, рвалась на отдыхъ изъ тѣсныхъ рамокъ зависимости и службы. Мечталось покончить съ Петербургомъ, со службой, поселиться въ

имѣніи Бѣгичева и уйти въ творчество. Но обстоятельства складывались вопреки личнымъ желаніямъ поэта.

Такъ какъ война съ персами была закончена, необходимо было установить съ персидскимъ правительствомъ дипломатическія сношенія. Начиналась, кромѣ того, другая война — съ Турціей, возникала потребность въ присутствіи на Востокѣ дѣльнаго и опытнаго представителя интересовъ Россіи. Такимъ представителемъ, въ званіи полномочнаго посла, и былъ назначенъ Грибоѣдовъ. Назначеніе это состоялось согласно высочайшей волѣ и потому уклониться было невозможно. «Послѣ всѣхъ милостей царскихъ, — писалъ онъ Бѣгичеву объ этомъ, — отказаться было бы съ моей стороны — самая черная неблагодарность... Предчувствую, что живой изъ Персіи не возвращусь».

Послѣ назначенія, Грибоѣдовъ затосковалъ еще больше, и предчувствія близкой кончины стали преслѣдовать его неотступно. Онъ понималъ, что назначеніе именно его, Грибоѣдова, творца Туркманчайскаго мира, вызоветъ со стороны мстительныхъ персовъ взрывъ негодованія и ненависти. «Вы не знаете этихъ людей — сказалъ Грибоѣдовъ Пушкину: — вы увидите, что придется прибѣгнуть къ ножамъ». — «Тамъ моя могила, чувствую, что не увижу болѣе Россію».

6 іюня 1828 г. Грибоѣдовъ печально распрощался съ друзьями и отправился въ дальнюю дорогу. По пути онъ заѣхалъ къ Бѣгичеву и простился съ нимъ. «Врядъ ли мы еще съ тобой увидимся», — сказалъ онъ ему. Когда Бѣгичевъ спросилъ у него, написалъ ли онъ новую комедію, Грибоѣдовъ отвѣтилъ, что онъ написалъ не комедію — для комедіи нужна веселость, который у него нѣтъ, —

но трагедію... Этой трагедіей было, вѣроятно, дальнѣйшее развитіе упомянутой уже «Грузинской ночи».

Путь Грибоѣдова лежалъ на Тифлисъ. Здѣсь его озарили лучи яркаго, но короткаго счастья. 28 августа онъ женился на очаровательной княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе. Ея отецъ, кн. Александръ Чавчавадзе, былъ сынъ того грузинскаго князя, который много содѣйствовалъ присоединенію Грузіи къ Россіи. Получивъ отличное воспитаніе въ Петербургѣ, онъ горячо любилъ свою родину и прославилъ ее многочисленными поэтическими произведеніями. Онъ переводилъ на грузинскій языкъ и русскихъ поэтовъ, между прочимъ Пушкина. Конечно, его моральное и умственное вліяніе отразилось на воспитаніи Нины Александровны, которая, несмотря на свой нѣжный возрастъ — ей не было еще и 16 лѣтъ — поражала своей вдумчивой одухотворенностью и врожденнымъ тактомъ. «Хотите ее знать, — писалъ Грибоѣдовъ о своей женѣ друзьямъ, — въ Malmaison, въ Эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки Murillo, — вотъ она».

9 сентября Грибоѣдовъ съ женой и съ обширной свитой отправился въ Персію. Обосновались они въ Тавризѣ, назначенномъ служить резиденціей европейскихъ пословъ. Грибоѣдовъ приступилъ къ дѣятельности со всѣмъ рвеніемъ своей кипучей натуры. Дѣятельность эта заключала въ себѣ, между прочимъ, два чрезвычайно трудныхъ вопроса: взысканіе контрибуціи и защиту и отправку на родину русскихъ военно-плѣнныхъ. Какъ ему приходилось жить и работать въ это время, можно судить по одному изъ его писемъ. «Сказать ли вамъ о моемъ бытѣ, — писалъ онъ В. С. Миклашевичъ изъ Тавриза. — Не занима-

тельно ни для кого, — я только чрезвычайно занятъ. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь мерзость во время нашей схватки съ турками. Взимаю контрибуцію довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого и не хочу: должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ государь Николай Павловичъ, и, я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь, и меня прозвали сахтиръ, coeur dur... Послѣ тревожнаго дня, вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ полюбить»...

Конечно, какъ Грибоѣдовъ и ожидалъ, его рѣшительность и твердость не могли не возбудить въ различныхъ кругахъ персидскаго населенія чувства самой необузданной и коварной злобы. Внѣшніе признаки почета къ особѣ посла и тщательно внушаемое персамъ уваженіе къ русскому оружію мѣшали вначалѣ этимъ чувствамъ прорываться наружу. Однако, враждебная Грибоѣдову агитація, при дѣятельномъ участіи духовенства, возбуждала населеніе и подготовляла роковую развязку.

6 декабря Грибоѣдовъ отправился въ Тегеранъ для представленія шаху, который встрѣтилъ его со всѣми подобающими почестями. По пути и въ Тегеранѣ ему пришлось принять много просьбъ отъ русскихъ подданныхъ, желавшихъ вернуться на родину, и заявленій о русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ гаремахъ вліятельныхъ персовъ. Грибоѣдовъ разбиралъ эти весьма щекотливыя дѣла съ большой осмотрительностью, никого не

оскорбляя, но и отстаивая права русскаго покровительства.

Слѣдуетъ имѣть ясное представленіе объ исторической обстановкѣ и обстоятельствахъ, въ которыхъ дѣйствовалъ Грибоѣдовъ, чтобы оцѣнить его культурную миссію. Кто были эти плѣнные въ Персіи, освобожденіе которыхъ требовало столько усилій со стороны Грибоѣдова? Прежде всего это были русскіе солдаты, попавшіе въ плѣнъ во время войны. Другіе, мужчины и женщины, были насильственно уведены персами во время ихъ вторженія и разбойничьихъ набѣговъ въ русскіе предѣлы. Затѣмъ, затѣявъ войну, персы произвели нападенія на армянскія области, грабили ихъ и уводили армянскую молодежь въ рабство и гаремы. По Туркманчайскому миру плѣнные армяне также получали право возвратиться въ Россію.

Томились въ плѣну и такіе, которые еще въ дѣтствѣ были проданы помѣщиками различнымъ скупщикамъ живого товара. Сохранились ужасающіе разсказы о томъ, какъ владѣльцы крѣпостныхъ отбирали у родителей по нѣскольку десятковъ мальчиковъ и дѣвочекъ, отвозили на рынокъ и продавали скупщикамъ и скупщицамъ Востока, которые отправляли ихъ дальше, пользуясь цѣлой сѣтью агентовъ, по различнымъ городамъ Персіи и Турціи. Обыкновенно слѣдъ объ этихъ несчастныхъ пропадалъ навсегда. При своемъ прибытіи въ Персію, Грибоѣдовъ имѣлъ списокъ русскихъ подданныхъ обоего пола, уведенныхъ персами. Списокъ этотъ былъ составленъ въ Россіи по заявленіямъ родственниковъ, просившихъ объ освобожденіи несчастныхъ. Этотъ списокъ значительно возросъ въ самой Персіи. Предпринимая дѣятельно розыски и хлопоты по защитѣ правъ на свободу и возвращеніе на родину, Гри-

боѣдовъ натолкнулся на большія затрудненія. Прежде всего персы, зная его намѣренія, отсылали плѣнниковъ, особенно плѣнницъ, въ деревни, гдѣ не было ни консуловъ, ни иныхъ представителей цивилизованныхъ странъ. Съ другой стороны они распространяли среди армянъ слухи о томъ, что, возвращаясь въ предѣлы Россіи, они будутъ снова отданы въ рабство или, что еще того хуже, въ солдаты.

Настойчивое требованіе Грибоѣдова объ освобожденіи плѣнниковъ вызывали со стороны персидскаго правительства недовольство и раздраженіе. Къ этому присоединялось еще одно чисто внѣшнее обстоятельство: представляясь шаху, посолъ не имѣлъ возможности передать ему предназначенныхъ для него подарковъ, которые задержались въ пути. И шахъ и министры, весьма чувствительные къ подобнымъ проявленіямъ добрососѣдскихъ отношеній, могли усмотрѣть въ этомъ недостатокъ вниманія. Словомъ, отношенія съ персидскимъ дворомъ приняли за двадцать дней пребыванія Грибоѣдова въ Тегеранѣ натянутый и холодный характеръ.

Рѣшивъ оставить въ Тегеранѣ секретаря Мальцева для подношенія подарковъ, когда они прибудутъ, Грибоѣдовъ назначилъ уже день отъѣзда своего въ Тавризъ. Шахъ прислалъ ему орденъ Льва и Солнца первой степени и награды другимъ чиновникамъ посольства. Затѣмъ, Грибоѣдовъ былъ принятъ шахомъ въ прощальной аудіенціи, причемъ, по замѣчаніямъ персовъ, держалъ себя съ повелителемъ Персіи слишкомъ свободно, продолжая все время сидѣть передъ нимъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, Грибоѣдовъ только придерживался правилъ трактата, которыя подробнѣйшимъ образомъ предусматривали церемоніалъ пріема

нашихъ пословъ. Все было готово для отъѣзда, но наканунѣ печальнаго событія евнухъ Мирза-Якубъ, прежній казначей и хранитель драгоцѣнностей шахскаго гарема, нѣкогда плѣненный персами, обратился къ Грибоѣдову съ просьбой помочь ему и еще двумъ армянкамъ, бѣжавшимъ изъ гарема двоюроднаго брата шаха, Алаяръ-хана, вернуться въ Россію.

Съ тяжелымъ сердцемъ предпринялъ Грибоѣдовъ переговоры объ этомъ. Сначала онъ даже отказалъ лично Якубу, предвидя громадныя осложненія, но тотъ настаивалъ. Грибоѣдовъ уступилъ и далъ ему пріютъ въ посольствѣ. Шахъ приказалъ заявить Якубу, что для него особа евнуха такъ же драгоцѣнна, какъ особа жены шаха, и что исчезновеніе такого евнуха, какъ Якубъ, равносильно исчезновенію шахской жены. Чиновники шаха говорили также, что Мирза-Якубъ, будучи въ теченіе многихъ лѣтъ казначеемъ, похитилъ деньги изъ кассы и потому не долженъ былъ получить разрѣшенія на выѣздъ. Распространяли, кромѣ того, слухи, что Мирза-Якубъ кощунственно отзывался о магометанской религіи. Несмотря на все это и угадывая нежеланіе шаха отпустить въ Европу евнуха, который могъ разгласить тайны гарема, Грибоѣдовъ не сдался и удержалъ у себя и Якуба и обѣихъ женщинъ. О раздраженіи шаха и двора можно судить по катастрофѣ, разразившейся на слѣдующій день — 30 января 1829 года.

Душой заговора явился Алаяръ-ханъ, смертельно оскорбленный защитой, оказанной Грибоѣдовымъ его двумъ наложницамъ. Онъ фанатизировалъ тегеранскую чернь, доказывая, что религія Персіи была унижена, ея верховный повелитель былъ оскорбленъ, его самыя священныя права были поруганы. Онъ приказалъ остановить торговлю на базарѣ и

двинуться къ зданію русскаго посольства, чтобы добиться, добромъ или силой, возвращенія женщинъ и Мирзы-Якуба. Разъяренная толпа съ криками и воплями бросилась къ дому, гдѣ имѣлъ пребываніе Грибоѣдовъ. Окруживъ домъ, она требовала выдачи скрывшихся въ немъ лицъ. Въ это самое время раздался, неизвѣстно откуда, выстрѣлъ, поразившій на смерть шестнадцатилѣтняго перса. Видъ крови разъярилъ толпу, она сломала ворота и ворвалась внутрь, убивая и уничтожая все на своемъ пути. Грибоѣдовъ облекся въ полную парадную форму, полагая, что видъ представителя Россійской имперіи образумитъ толпу. Но было уже поздно. Съ саблей въ рукѣ, защищаясь до послѣдней минуты и не теряя присущаго ему холоднаго мужества, онъ палъ подъ ударами, и его обезображенный трупъ былъ выброшенъ въ окно на игралище черни. Черезъ нѣсколько дней его останки были едва разысканы, уложены въ гробъ и отправлены въ Тифлисъ.

Были убиты всѣ лица, бывшія въ домѣ. Спасся совершенно случайно только одинъ секретарь Мальцевъ. На него и выпала печальная обязанность установить прискорбные факты.

Когда обозъ съ тѣломъ Грибоѣдова медленно подвигался къ Кавказу, его встрѣтилъ недалеко отъ Карса Пушкинъ. «Я переѣхалъ черезъ рѣку, — записалъ онъ объ этой встрѣчѣ. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу.

— Откуда вы? — спросилъ я.

— Изъ Тегерана.

— Что вы везете?

— Грибоѣда . . . »

Такова была послѣдняя встрѣча двухъ великихъ поэтовъ.

Есть на западной сторонѣ Тифлиса священная для грузинъ гора, откуда открывается дивный видъ на Тифлисъ, на серебряную ленту Куры, на далекія синія горы Кахетіи. На горѣ пріютился женскій монастырь Св. Давида. Мѣсто это давно полюбилось Грибоѣдову, и онъ просилъ жену, въ одну изъ минутъ мрачнаго предчувствія, похоронить его тѣло въ монастырѣ. Нина Александровна свято выполнила волю поэта. Его прахъ покоится въ склепѣ за полукруглою аркою, съ восточной стороны подъ монастырской терасой. Тамъ же нашла себѣ пріютъ въ 1857 г. и сама Нина Александровна, всю жизнь оставшаяся вѣрной памяти мужа. На высокомъ пьедесталѣ стоитъ распятіе; колѣнопреклоненная скорбная женская фигура склоняется ко кресту, у подножья котораго лежитъ книга съ надписью: «Горе отъ ума». Это — символъ свѣтлой памяти человѣка, который много страдалъ и много любилъ. Любящая рука другого прекраснаго, одухотвореннаго человѣка начертала на пьедесталѣ трогательныя слова: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя!»

Эта могила — священна для насъ, русскихъ. Она напоминаетъ великій завѣтъ поэта: строить на обломкахъ старой Россіи ту, о которой мечталъ Чацкій: сильную духомъ національнаго единства, дружно несущую свой трудъ въ общую сокровищницу міровой культуры, стоящую на стражѣ гражданскаго равенства, права и свободы.

ГОРЕ ОТЪ УМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПАВЕЛЪ АѲАНАСЬЕВИЧЪ ФАМУСОВЪ, управляющій въ казенномъ мѣстѣ.

СОФЬЯ ПАВЛОВНА, дочь его.

ЛИЗА, служанка.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ МОЛЧАЛИНЪ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ЧАЦКІЙ.

ПОЛКОВНИКЪ СКАЛОЗУБЪ, СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА, молодая дама } Горичевы.
ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ, мужъ ея }

КНЯЗЬ ТУГОУХОВСКІЙ и КНЯГИНЯ, жена его, съ шестью дочерьми.

ГРАФИНЯ-БАБУШКА } Хрюмины.
ГРАФИНЯ-ВНУЧКА }

АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ ЗАГОРѢЦКІЙ.

СТАРУХА ХЛЕСТОВА, свояченица Фамусова.

Г. N.

Г. D.

РЕПЕТИЛОВЪ.

ПЕТРУШКА И НѢСКОЛЬКО ГОВОРЯЩИХЪ СЛУГЪ.

МНОЖЕСТВО ГОСТЕЙ ВСЯКАГО РАЗБОРА И ИХЪ ЛАКЕЕВЪ ПРИ РАЗЪѢЗДѢ.

ОФИЦІАНТЫ ФАМУСОВА.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная; въ ней большіе часы. Справа дверь въ спальню Софьи, откудова слышно фортепьяно съ флейтою, которыя потомъ умолкаютъ. Лиза середи комнаты спитъ, свѣсившись съ креселъ.

(Утро. Чуть день брезжится).

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Лиза.

Лиза

(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается).

Свѣтаетъ!... Ахъ, какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказъ! —
«Ждемъ друга!»... Нуженъ глазъ, да глазъ:
Не спи, покудова не скатишься со стула...
Теперь вотъ, только-что вздремнула —
Ужъ день!... Сказать имъ...

(Стучится къ Софьѣ).

Господа!
Эй, Софья Павловна!... бѣда!
Зашла бесѣда ваша за̀-ночь...
Вы глухи!... Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!...
И страхъ ихъ не беретъ!

(Отходитъ отъ дверей).

Ну, гость неприглашенный!
Быть можетъ, батюшка, войдетъ!

Прошу служить у барышни влюбленной...
(Опять къ дверямъ).
Да расходитесь!... Утро! ... Что-съ?

Голосъ Софьи.

Который часъ?

Лиза.

Все въ домѣ поднялось!

Софья
(изъ своей комнаты).

Который часъ?

Лиза.

Седьмой, восьмой... девятый!

Софья
(оттуда же).

Неправда!

Лиза
(прочь отъ дверей).

Ахъ, амуръ проклятый...
И слышатъ — не хотятъ понять!
Ну, чтò бы ставни имъ отнять!
Переведу часы, хоть знаю — будетъ гонка! —
Заставлю ихъ играть...
(Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку. Часы бьютъ и играютъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Лиза и **Фамусовъ.**

Лиза.

Ахъ, баринъ!...

Фамусовъ.

«Баринъ»! .. да!

(Останавливаетъ часовую музыку).

Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!
Не могъ придумать я, что это за бѣда —
То флейта слышится, то будто фортепьяно ...
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано!

Лиза.

Нѣтъ, сударь ... я ... лишь ... невзначай ...

Фамусовъ.

Вотъ то-то, «невзначай»! За вами примѣчай!
Такъ, вѣрно, съ умысломъ? ...

(Жмется къ ней и заигрываетъ).

Ой, зелье, баловница! ...

Лиза.

Вы баловникъ! ... Къ лицу-ль вамъ эти лица?

Фамусовъ.

Скромна, ... а ничего, кромѣ
Проказъ и вѣтра на умѣ ...

Лиза.

Пустите! ... Вѣтреники сами!
Опомнитесь! Вы — старики ...

Фамусовъ.

Почти ...

Лиза.

Ну, кто придетъ, — куда мы съ вами?

Фамусовъ.

Кому сюда притти?
Вѣдь Софья спитъ?

Лиза.

Сейчасъ започивала...

Фамусовъ.

Сейчасъ?... А ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читала...

Фамусовъ.

Вишь, прихоти какія завелись!

Лиза.

Все по-французски, вслухъ читаетъ, запершись...

Фамусовъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И въ чтеньи прокъ-отъ не великъ...
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится!

Лиза.

Что встанетъ — доложу-съ...
Извольте же итти! Разбудите, боюсь...

Фамусовъ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь...

Лиза

(какъ можно громче).

Да полноте-съ!

Ф а м у с о в ъ

(зажимаетъ ей ротъ).

Помилуй, какъ кричишь...
Съ ума ты сходишь!

Л и з а.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

Ф а м у с о в ъ.

Чего?

Л и з а.

Пора, сударь, вамъ знать... вы не ребенокъ!
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ...
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь —
Все слышатъ...

Ф а м у с о в ъ.

Все ты лжешь!

Г о л о с ъ С о ф ь и.

Эй, Лиза!

Ф а м у с о в ъ

(торопливо).

Т-съ!...

(Крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ).

Л и з а

(одна).

Ушелъ!... Ахъ, отъ господской власти
Къ бѣдамъ себя на всякій часъ готовь...
Минуй насъ пуще всѣхъ несчастій
И барскій гнѣвъ и барская любовь!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Лиза, Софья со свѣчкою, за ней **Молчалинъ.**

Софья.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза.

Конечно, вамъ разстаться тяжело:
До свѣта запершись, и кажется — все мало!

Софья.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло!
(Тушитъ свѣчу).
И свѣтъ, и грусть!... Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите, знай... со стороны — нѣтъ мочи:
Сюда вашъ батюшка зашелъ, — я обмерла! —
Вертѣлась передъ нимъ, не помню, что врала...
Ну, что же стали вы? Поклонъ, сударь, отвѣсьте!
Подите... сердце не на мѣстѣ...
Смотрите на часы! Взгляните-ка въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно...
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ...

Софья.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ!

Лиза.

Не наблюдайте — ваша власть! —
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, — мнѣ попасть...

Софья

(Молчалину).

Идите!..
Цѣлый день еще потерпимъ скуку...

Л и з а.

Богъ съ вами-съ! . . . Прочь возьмите руку!
(Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Софья, Лиза, Молчалинъ, Фамусовъ.

Ф а м у с о в ъ.

Что за оказія! Молчалинъ . . . ты, братъ?

М о л ч а л и н ъ.

Я-съ . . .

Ф а м у с о в ъ.

Зачѣмъ же здѣсь? и въ этотъ часъ?
И Софья! . . . Здравствуй, Софья. Что ты
Такъ рано поднялась? — а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не впору вмѣстѣ свелъ?

С о ф ь я.

Онъ только-что теперь вошелъ . . .

М о л ч а л и н ъ.

Сейчасъ . . . съ прогулки . . .

Ф а м у с о в ъ.

Другъ, нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ —
Съ мужчиной! съ молодымъ! . . . Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаетъ небылицы, —
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!

А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы —
Оттуда моды къ намъ, и авторы, и музы, —
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ,
и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... Кружится голова...
Я отъ испуга духъ перевожу едва...
Изволили вбѣжать вы такъ проворно...
Смѣшалась я...

Фамусовъ.

Благодарю покорно —
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ! я испугалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ... День
цѣлый
Нѣтъ отдыха!... Мечусь, какъ словно угорѣлый:
По должности, по службѣ хлопотня, —
Тотъ пристаетъ, другой... всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ
обманутъ!...

Софья

(сквозь слезы).

Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ.

Вотъ, попрекать мнѣ станутъ,
Что бéзъ-толку всегда журю...
Не плачь... я дѣло говорю!
Ужъ объ твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели!

Мать умерла — умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать —
Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ...
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила...
Да не въ мадамѣ сила!
Не надобно иного образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца...
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ...
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ...

Лиза.

Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ.

Молчать!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать! —
Всѣ умудрились не по лѣтамъ...
А пуще — дочери... Да сами — добряки! —
— Дались намъ эти языки! —
Беремъ же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему —
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ —
Какъ-будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари,
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство...
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери!...

Софья.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую...

Онъ въ домѣ здѣсь живетъ — великая напасть! —
Шелъ въ комнату, — попалъ въ другую...

Фамусовъ.

Попалъ, или хотѣлъ попасть?
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно!

Софья.

Вотъ въ чемъ, однако, случай весь:
Какъ давеча вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложитъ!
Не впору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

Софья.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ...
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

Фамусовъ.

Что за исторія?

Софья.

Вамъ разсказать?

Фамусовъ.

Ну, да!

(Садится).

Софья.

Позвольте... видите-ль... сначала
Цвѣтистый лугъ... И я искала
Траву,
Какую-то... не вспомню наяву...

Вдругъ милый человѣкъ... одинъ изъ тѣхъ,
кого мы
Увидимъ — будто вѣкъ знакомы —
Явился тутъ со мной... И вкрадчивъ и уменъ,
Но робокъ... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Фамусовъ.

Ахъ, матушка, не довершай удара —
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара!

Софья.

Потомъ пропало все — луга и небеса...
Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда —
Раскрылся полъ... и вы оттуда —
Блѣдны, какъ смерть, и дыбомъ волоса!...
Тутъ съ громомъ распахнулись двери...
Какіе-то не люди и не звѣри —
Насъ врозннь! — и мучили сидѣвшаго со мной...
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ:
Хочу къ нему — вы тащите съ собой...
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ
чудовищъ...
Онъ вслѣдъ кричитъ...
Проснулась... Кто-то говоритъ:
Вашъ голосъ былъ... Что, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда — и васъ обоихъ нахожу...

Фамусовъ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу!...
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты...
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ...

Фамусовъ.

Забавно!
Дался имъ голосъ мой! И какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ?.. Зачѣмъ же? Говори!

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ...

Фамусовъ.

Да, ихъ недоставало!
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ?
(Встаетъ).
Ну, Сонюшка, тебѣ покой я дамъ...
Бываютъ странны сны, а наяву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе...
Повыкинь вздоръ изъ головы:
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу...
Поди-ка, лягъ, усни опять...
(Молчалину).
Идемъ бумаги разбирать!

Молчалинъ.

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ
Противорѣчья есть, и многое не дѣльно...

Фамусовъ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множества не накоплялось ихъ...
Дай волю вамъ — оно бы и засѣло!
А у меня, что дѣло, что не дѣло,

Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой!
(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Софья, Лиза.

Лиза.

Ну, вотъ у праздника! Ну, вотъ вамъ и потѣха!
Однако, нѣтъ, — теперь ужъ не до смѣха:
Въ глазахъ темно, и замерла душа...
Грѣхъ не бѣда — молва нехороша!

Софья.

Что мнѣ молва! Кто хочетъ, такъ и судитъ...
Да, батюшка задуматься принудитъ:
Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ —
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ —
Ты можешь посудить...

Лиза.

Сужу-съ не по разсказамъ...
Запретъ онъ васъ... Добро еще — со мной!
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ — съ двора долой...

Софья.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже — съ рукъ сойдетъ!
Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ...
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно...
Судьба насъ будто берегла:
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

Лиза.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда...
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока —
Ни во̀-вѣки вѣковъ!
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами...
Ну, разумѣется, къ тому-бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ
балы...
Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ —
И золотой мѣшокъ и мѣтитъ въ генералы...

Софья.

Куда какъ милъ! И весело мнѣ — страхъ! —
Выслушивать о фрунтѣ и рядахъ!
Онъ слова умнаго на выговорилъ сроду...
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Лиза.

Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитеръ...
Но будь военный, будь онъ статскій, —
Кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій?
Не для того, чтобъ васъ смутить...
Давно прошло — не воротить...
А помнится...

Софья.

Что «помнится»? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ...
Болтаетъ, шутитъ, — мнѣ забавно...
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ!

Лиза.

И только? будто бы? — Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался...
«Что, сударь, плачете? Живите-ка, смѣясь!...»
А онъ въ отвѣтъ: «Недаромъ, Лиза, плачу...
«Кому извѣстно, что найду я, воротясь,
«И сколько, можетъ быть, утрачу!»
Бѣдняжка! Будто зналъ, что года черезъ три...

Софья.

Послушай, вольности ты лишней не бери!
Я очень вѣтрено, быть можетъ, поступила...
И знаю, и винюсь... Но гдѣ же — измѣнила?
Кому? — чтобъ укорять невѣрностью могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли...
Привычка вмѣстѣ быть, день каждый, неразлучно,
Связала дѣтскою насъ дружбой... но потомъ
Онъ съѣхалъ — ужъ у насъ ему казалось скучно —
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ...
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ —
Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко...
Охота странствовать напала на него...
Ахъ, если любитъ кто кого —
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Лиза.

Гдѣ носится? Въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ...
Не отъ болѣзни, чай, — отъ скуки, повѣрнѣе...

Софья.

И вѣрно, счатливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе...
Кого люблю я — не таковъ:

Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ...
Врагъ дерзости... всегда застѣнчиво, несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло!
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

Лиза.

Богъ вѣсть,
Сударыня... мое ли это дѣло!

Софья.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго... И такъ вся ночь проходитъ —
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ!..
Смѣешься! Можно ли? Чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Лиза.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла...
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому...
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду — не сумѣла:
Забыла волосы чернить —
И черезъ три дни посѣдѣла!
(Продолжаетъ хохотать).

Софья
(съ огорченіемъ).

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ!

Лиза.

Простите!... Право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Софья, Лиза, слуга, за нимъ **Чацкій.**

Слуга.

Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Софья, Лиза, Чацкій.

Чацкій.

Чуть свѣтъ — ужъ на ногахъ! И я у вашихъ ногъ...
(Съ жаромъ цѣлуетъ руку).
Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!
Что-жъ, рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите!
Удивлены? — и только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ,
Мы, мочи нѣтъ, другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви!... Куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся...
Вѣтеръ! Буря!
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ!...
И вотъ — за подвиги награда!

Софья.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!

Чацкій.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однако, искренно кто-жъ радуется эдакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя...

Лиза.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями —
Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ!..
Сударыня, скажите сами!

Софья.

Всегда, — не только что теперь...
Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека!
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ-чужа, изъ-далека, —
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ, —
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

Чацкій.

Положимте, что такъ...
Блаженъ, кто вѣруетъ — тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой! Ужли я здѣсь опять?
Въ Москвѣ! У васъ! Да какъ же васъ узнать?
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ, тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?...
А тутъ — вашъ батюшка съ мадамой,
за пикетомъ...
Мы — въ темномъ уголкѣ, и, кажется, что въ
этомъ...
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ,
дверь...

Софья.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ, вы расцвѣли прелестно,

Неподражаемо, — и это вамъ извѣстно!
И потому скромны, — не смотрите на свѣтъ...
Не влюблены ли вы? Прошу мнѣ дать отвѣтъ!
Безъ думы, — полноте смущаться!...

Софья.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

Чацкій.

Помилуйте, не вамъ, — чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два...
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ—далъ промахъ...
Все тотъ же толкъ и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ!

Софья.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ!..
Ну, что вашъ батюшка? Все англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его? Онъ турокъ или грекъ?
Тотъ... черномазенькій — на ножкахъ журавлиныхъ...
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься — тутъ какъ тутъ! —
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ...
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которыя съ-полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и, съ помощью сестрицъ,

Со всей Европой породнятся . .
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ!
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи...
На балѣ, помните? — открыли мы вдвоемъ —
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ, и щелкалъ соловьемъ —
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней!
А тотъ, чахоточный, родня вамъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ... И въ комъ не сыщешь
пятенъ!
Когда-жъ постранствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софья.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть!

Чацкій.

А... тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ...
Что, нынче такъ же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки —
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ!
Нашъ менторъ... помните? Колпакъ его, халатъ,

Перстъ указательный — всѣ признаки ученья —
Какъ наши робкіе тревожили умы!
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ —
Онъ не женатъ еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ —
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ?

Софья.

Танцмейстеръ? Можно ли!

Чацкій.

Что-жъ? — онъ и кавалеръ!
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на большихъ, по праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ —
Французскаго съ нижегородскимъ?

Софья.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ, — безъ этого нельзя-жъ!

Лиза.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!

Чацкій.

По крайней мѣрѣ, не надутой!
Вотъ новости!... Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ!.. а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, — пристаетъ: «Пожалуйте списать!»
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ:
Вѣдь, нынче любятъ безсловесныхъ!

Софья

(въ сторону).

Не человѣкъ — змѣя!

(Громко и принужденно).

Хочу у васъ спросить:
Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою, — добро о комъ-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть...

Чацкій.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?..
На-что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только-что гремя
И день и ночь по снѣговой пустынѣ,
Спѣшу къ вамъ, голову сломя, —
И какъ васъ нахожу?.. Въ какомъ-то строгомъ
чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо — святѣйшей богомолки!..
И всетаки я васъ безъ памяти люблю!

(Минутное молчаніе).

Послушайте, ужли слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?
Но если такъ — умъ съ сердцемъ не въ ладу!

Я, въ чудакахъ, иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду...
Велите-жъ мнѣ въ огонь — пойду, какъ на обѣдъ!...

Софья.

Да, хорошо — сгорите... если-жъ нѣтъ?...

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Софья, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Вотъ и другой!

Софья.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!

(Уходитъ).

Фамусовъ

(ей вслѣдъ вполголоса).

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Фамусовъ, Чацкій

(смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла).

Фамусовъ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ —
И грянулъ вдругъ, какъ съ облаковъ!
(Обнимаются).
Здорово, другъ! Здорово, братъ! Здорово!
Разсказывай, — чай, у тебя готово

Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй!

(Садятся).

Чацкій
(разсѣянно).

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты...
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ...

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! Надеждами я мало избалованъ...

Фамусовъ.

«Сонъ въ руку!» — мнѣ она изволила шепнуть...
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій.

Я? — ничуть!

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? Что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ сновъ!

Фамусовъ.

Не вѣрь ей — все пустое!

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ...
Вѣкъ не встрѣчалъ — подписку дамъ —
Что-бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Онъ все — свое! Да разскажи подробно:
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ —
И не объѣхалъ сотой доли...
(Встаетъ поспѣшно).
Простите! Я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ...
Не заѣзжалъ домой... Прощайте! Черезъ часъ
Явлюсь... Подробности малѣйшей не забуду...
Вамъ первымъ... вы потомъ разсказывайте всюду!
(Въ дверяхъ).
Какъ хороша!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Фамусовъ
(одинъ).

Который же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка, — сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ! Какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давеча въ сомнѣнье ввелъ меня...
Теперь... да въ полмя изъ огня!
Тотъ — нищій, этотъ — франтъ-пріятель —
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...
Что за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

(Уходитъ).

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Фамусовъ, слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! — вѣчно ты съ обновкой —
Съ разодраннымъ локтемъ! — достань-ка
календарь...
Читай! — не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой!
Постой же... На листѣ черкни на записномъ
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй — умъ вскружится! —
То бережешься, то обѣдъ:
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... нѣтъ, нѣтъ —
Въ четвергъ — я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! — пришло въ забвенье,
Что всякій самъ туда же долженъ лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ, — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключомъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить...
Богатъ, и на богатой былъ женатъ,

Пepeжeнилъ дѣтей, внучатъ,
Скончался — всѣ о немъ прискорбно поминаютъ:
«Кузьма Петровичъ — миръ ему!»
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!...
Пиши: въ четвергъ — одно ужъ
къ одному, —
А можетъ — въ пятницу, а можетъ — и въ
субботу:
Я долженъ у вдовы, у докторши,
крестить...
Она не родила, но по разсчету
По моему — должна родить.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Фамусовъ, слуга, Чацкій.

Фамусовъ.

А... Александръ Андреичъ, просимъ!
Садись-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ

(слугѣ).

Поди.

(Слуга уходитъ).

Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется — того гляди...

Чацкій.

Вы что-то невеселы стали...
Скажите: отчего? Пріѣздъ не впору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета...

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка, нашелъ загадку:
Не веселъ я... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ...
Я только-что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ... быть можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! — пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то же:
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!..
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, — не хочешь ли жениться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь, я ей нѣсколько сродни, —
По крайней мѣрѣ, искони
Отцомъ не даромъ называли...

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное — поди-тка, послужи!

Чацкій.

Служить бы радъ — прислуживаться тошно.

Фамусовъ.

Вотъ то-то! — всѣ вы гордецы! —
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя!
Мы, напримѣръ, или покойникъ-дядя,
Максимъ Петровичъ... онъ не то на серебрѣ —
На золотѣ ѣдалъ!.. сто человѣкъ къ услугамъ!..
Весь въ орденахъ!.. ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ!..
Вѣкъ при Дворѣ, да при какомъ Дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ,
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ-поры всѣ важны — въ сорокъ пудъ!..
Раскланяйся — тупеемъ не кивнутъ!
Вельможа въ случаѣ — тѣмъ паче! —
Не какъ другой: и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя? что твой князь! что графъ!
Сурьезный взглядъ, надменный нравъ!..
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ:
На куртагѣ ему случилось оступиться...
Упалъ... да такъ, что чуть затылка не прошибъ!
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой!
Изволили смѣяться... Какъ же онъ? —
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ —
Упалъ въ другорядь — ужъ нарочно! —
А хохотъ — пуще! Онъ и въ третій — такъ же точно!
А какъ по вашему?.. По нашему — смышленъ:
Упалъ онъ больно — всталъ здорово!..
Зато, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при Дворѣ привѣтливое слово?

Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ
почетъ?
Максимъ Петровичъ!.. Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да!.. Вы, нынѣшніе, ну-тка?!

Чацкій.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть, —
Сказать вы можете, вздохнувши...
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ —
Стучали объ-полъ, не жалѣя!
Кому нужда — тѣмъ спесь: лежи они въ пыли! —
А тѣмъ, кто выше, лесть, какъ кружево, плели...
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю...
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю, —
Его не возмутимъ мы праха...
Но между тѣмъ, кого охота беретъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай, приговаривалъ: «Ахъ, еслибы мнѣ то же!»
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ
уздѣ...
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой! — онъ карбонарій!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ...

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣе всякій дышитъ,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ...

Фамусовъ.

Что говоритъ!... и говоритъ, какъ пишетъ!

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ.

Терпѣнью мочи нѣтъ!... досадно!...

Чацкій.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно, —
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу...
Ужъ такъ и быть, я не поплачу.

Фамусовъ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю!

Чацкій.

Я досказалъ...

Фамусовъ.

Добро! — заткнулъ я уши...

Чацкій.

На что-жъ? Я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ
(скороговоркою).

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!..

Чацкій.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади!

Чацкій.

Длить споры не мое желанье...

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Слуга

(входитъ).

Полковникъ Скалозубъ,

Фамусовъ

(ничего не видитъ и не слышитъ).

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ — какъ пить дадутъ!

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ...

Фамусовъ.

Не слушаю — подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ...

Фамусовъ.

Не слушаю... подъ судъ! подъ судъ!

Чацкій.

Да обернитесь — васъ зовутъ!

Фамусовъ
(оборачивается).

А!... Ну, такъ и жду содома!

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ... Прикажете принять?

Фамусовъ
(встаетъ).

Ослы! Сто разъ вамъ повторять!
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома!..
Что очень радъ!... Пошелъ же, торопись!
(Слуга уходитъ).

Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличій нахваталъ...
Не по лѣтамъ и чинъ завидный —
Не нынче-завтра — генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди, себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андреичъ! дурно, братъ!...
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ...
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ — будто женится на Сонюшкѣ... Пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня —
Вѣдь, Софья молода. А впрочемъ, власть
Господня!..
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось
И завиральныя идеи эти брось!
Однако, нѣтъ его!... какую бы причину?...
А... знать, ко мнѣ пошелъ — въ другую
половину.
(Поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Чацкій.

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья?... Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха
какого? —
Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужого?
Какъ здѣсь бы ей не быть?
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно
бредитъ...
А можетъ быть — не только, что отецъ...
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Чацкій, Фамусовъ, Скалозубъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ... сюда-съ...
Прошу покорно... здѣсь теплѣе...
Прозябли вы? — согрѣемъ васъ —
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе...

Скалозубъ

(густымъ басомъ).

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ...

Фамусовъ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу!
Сергѣй Сергѣичъ! дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу...
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой!

Скалозубъ.

Куда прикажете... лишь только бы усѣсться...
(Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль).

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить! —
Не знали вы, — а я подавно —
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ! —
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ... виноватъ...
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли!?
Нѣтъ! Я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ!
Сыщу ее на днѣ морскомъ!..
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки...
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой...
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!...
Однако, братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да, счастье, у кого есть эдакій сынокъ!...
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа. Засѣли мы въ траншею...
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ... и посмотрѣть — такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему — онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать!

Фамусовъ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ — хвать!..
Вы — повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ —
Вакансіи какъ-разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ!
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ...

Ф а м у с о в ъ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?

С к а л о з у б ъ.

Не жалуюсь, не обходили...
Однако, за полкомъ два года поводили.

Ф а м у с о в ъ.

Въ погонь ли за полкомъ?
Зато, конечно, въ чемъ другомъ —
За вами далеко тянуться...

С к а л о з у б ъ.

Нѣтъ-съ, ста̀рѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы —
Объ нихъ, какъ истинный философъ, я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Ф а м у с о в ъ.

И славно судите, дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ! — а тамъ —
Зачѣмъ откладывать бы дальше —
Рѣчь завести объ генеральшѣ?

С к а л о з у б ъ.

Жениться?... Я ничуть не прочь...

Ф а м у с о в ъ.

Что-жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ, вѣдь, нѣтъ невѣстамъ перевода...
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется столица, какъ Москва?

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера —
На все свои законы есть...
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь:
Будь плохонькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ!
Другой — хоть прытче будь, надутый всякимъ
чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви! —
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это ли одно!.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь! —
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ...
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ —
Для насъ ровнехонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ!
Возьмите вы, — отъ головы до пятокъ —
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внучатъ?
Журимъ мы ихъ, — а если разберешь,
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ объ дѣлахъ, что слово — приговоръ!
Вѣдь, столбовые все, въ усъ никому не дуютъ,
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!..
Не то, чтобъ новизны вводили — никогда!
Спаси насъ, Боже!.. Нѣтъ... А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,

Поспорятъ, пошумятъ — и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ — по уму!
Я вамъ скажу, знать — время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло...
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему вездѣ... надъ ними — нѣтъ судей!
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣнія! — вѣдь самъ я былъ женатъ...
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ —
Ихъ благонравью, а не лицамъ...
И точно, можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же онѣ себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой,
Словечка въ простотѣ не скажутъ —
все съ ужимкой...
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки...
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что — патріотки!
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ, ужъ мало ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги,тротуары,
Дома и все на новый ладъ!..

Чацкій.

Дома новы, но предразсудки стары...
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ
(Чацкому).

Эй, завяжи на память узелокъ! —
Просилъ я помолчать — не велика услуга...
Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга, —
Андрея Ильича покойнаго сынокъ...
(Скалозубу).
Не служитъ... то-есть, въ томъ онъ пользы не находитъ; —
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой...
Жаль, очень жаль — онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

Чацкій.

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ...

Фамусовъ.

Не я одинъ — всѣ также осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто!? — За древностію лѣтъ
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима...
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма!
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ, —

Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, — укажите намъ, — отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, — грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?...
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы!
Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ — Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ? —
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали... вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ,
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и въ Амурахъ
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій, —
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній...

Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ
и прекраснымъ, —
Они тотчасъ: разбой! пожаръ! —
И прослыветъ у нихъ мечтателемъ опаснымъ...
Мундиръ! одинъ мундиръ! — онъ въ прежнемъ
ихъ быту
Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету, —
И намъ за ними въ путь счастливый?
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть...
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,
Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины «ура»
И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ

(про себя).

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду...

(Громко).

Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Скалозубъ, Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ

Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ — къ гвардіи, къ гвардейцамъ,
къ гвардіонцамъ, —
Ихъ золоту, шитью дивятся, будто
солнцамъ, —
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки...
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ — иные —
по-французски...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Скалозубъ, Чацкій, Софья, Лиза.

Софья

(бѣжитъ къ окну).

Ахъ, Боже мой! упалъ! убился!..
(Падаетъ въ обморокъ).

Чацкій.

Кто? кто это?

Скалозубъ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чацкій.

Она мертва со страху!

Скалозубъ.

Да кто? откудова?

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалозубъ.

Ужъ не старикъ ли нашъ далъ маху?

Лиза

(хлопочетъ около барышни).

Кому назначено-съ — не миновать судьбы.
Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы...
Онъ объ землю — и прямо въ темя!

Скалозубъ.

Поводья затянулъ... ну, жалкій же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ — грудью или
въ бокъ?

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, безъ **Скалозуба.**

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе!

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ...

(Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее вполголоса до того, какъ Софья очнется).

Лиза.

Стаканъ налейте.

Чацкій.

Ужъ налитъ.
Шнуровку отпусти вольнѣе...
Виски ей уксусомъ потри...
Опрыскивай водой... Смотри:
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

Лиза.

Вотъ опахало.

Чацкій.

Гляди въ окно —
Молчалинъ на ногахъ давно!
Бездѣлица ее тревожитъ...

Лиза.

Да-съ, барышнинъ несчастенъ нравъ:
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ.

Чацкій.

Опрыскивай еще водою!
Вотъ такъ... еще... еще...

Софья
(съ глубокимъ вздохомъ).

Кто здѣсь со мною?
Я точно какъ во снѣ...
(Торопко и громко).
Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ!

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею, —
Васъ чуть-было не уморилъ!

Софья.

Убійственны холодностью своею! —
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ!

Чацкій.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софья.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться...

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

Софья.

На что вы мнѣ?
Да, правда — не свои бѣды для васъ забавы:
Отецъ родной убейся — все равно!
(Лизѣ).
Пойдемъ туда, бѣжимъ...

Лиза
(отводитъ ее въ сторону).

Опомнитесь! куда вы?
Онъ живъ, здоровъ... смотрите здѣсь въ окно!
(Софья высовывается въ окошко).

Чацкій.

Смятенье... обморокъ... поспѣшность... гнѣвъ испуга...
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга!

Софья.

Сюда идутъ!... Руки не можетъ онъ поднять...

Чацкій.

Желалъ бы съ нимъ убиться...

Лиза.

Для компаньи?

Софья.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Софья, Лиза, Чацкій, Скалозубъ, Молчалинъ *(съ подвязанной рукой).*

Скалозубъ.

Воскресъ и невредимъ! Рука
Ушиблена слегка,
А впрочемъ — все фальшивая тревога.

Молчалинъ.

Я васъ перепугалъ... простите, ради Бога...

Скалозубъ.

Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація — опрометью вбѣжали, —
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали...
И что-жъ? — весь страхъ изъ ничего.

Софья

(не глядя ни на кого).

Ахъ, очень вижу, — изъ пустова,
А все еще теперь дрожу.

Чацкій

(про себя).

Съ Молчалинымъ ни слова!

Софья

(попрежнему).

Однако, о себѣ скажу,
Что не труслива... Такъ бываетъ:
Карета свалится, подымутъ — я опять
Готова сызнова скакать...
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ:
Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ — до этого нѣтъ дѣла...

Чацкій

(про себя).

Прощенья проситъ у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скалозубъ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова, — но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ, —
На дняхъ расшиблась въ пухъ:
Жокей не поддержалъ — считалъ онъ, видно, мухъ...
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа:
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софья.

Ахъ, Александръ Андреичъ, вотъ
Явитесь вы вполнѣ великодушны:
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

Чацкій.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,

И прысканьемъ, и оттираньемъ...
Не знаю — для кого, но васъ я воскресилъ.
(Беретъ шляпу и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же, кромѣ **Чацкаго.**

Софья.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ.

Какъ рано?

Софья.

Пораньше... Съѣдутся домашніе друзья
Потанцовать подъ фортепьяно.
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

Скалозубъ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался...
Откланяюсь.

Софья.

Прощайте.

Скалозубъ
(жметъ руку Молчалину).

Вашъ слуга.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Софья, Лиза, Молчалинъ.

Софья.

Молчалинъ, какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога! —
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?
Скажите, что у васъ съ рукой?
Не дать ли капель вамъ? Не нуженъ ли покой?
Пошлемте къ доктору... пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ — не больно мнѣ съ тѣхъ
поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И еслибъ не къ лицу, не нужно перевязки...
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ,
И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ...
Шутить и онъ гораздъ... вѣдь нынче кто
не шутитъ!

Софья.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу!
Молчалинъ, будто я себя не принуждала:
Вошли вы — слова не сказала,
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

Молчалинъ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ
откровенны...

Софья.

Откуда скрытность почерпнуть? —
Готова я была въ окошко къ вамъ прыгнуть!
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно? — пусть шутятъ ихъ! Досадно? — пусть бранятъ!

Молчалинъ.

Не повредила бы намъ откровенность эта...

Софья.

Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ, злые языки страшнѣе пистолета...

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь...
Вотъ кабы вы порхнули въ дверь
Съ лицомъ веселымъ, беззаботно...
— Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно! —
И Александръ Андреичъ... съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ —
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ...
Улыбочка и пара словъ...
А кто влюбленъ — на все готовъ!

Молчалинъ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю...

(Цѣлуетъ ей руку).

Софья.

Хотите вы?... Пойду любезничать сквозь слезъ:
Боюсь, что выдержать притворства не сумѣю...
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ.

Веселое созданье ты, живое!

Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Молчалинъ.

Ее
По должности, тебя...

(Хочетъ ее обнять).

Лиза.

Отъ скуки?
Прошу подальше руки!

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ — прехитрая работа! —
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота;
Подушечка — изъ бисера узоръ,
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и ножинки — какъ милы! —
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы,

Помада есть для губъ и для другихъ причинъ,
Съ духами сткляночки — резѐда и жасминъ...

Лиза.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы...
Скажите лучше: почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

Молчалинъ.

Сегодня боленъ я... обвязки не сниму.
Приди въ обѣдъ, побудь со мною:
Я правду всю тебѣ открою.
(Уходитъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Софья, Лиза.

Софья.

Была у батюшки — тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна и не пойду обѣдать.
Скажи Молчалину... и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.
(Уходитъ къ себѣ).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Лиза.

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ:
Она къ нему, а онъ ко мнѣ!
А я... одна лишь я любви до смерти трушу...
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу?

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Чацкій, потомъ **Софья.**

Чацкій.

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто, наконецъ, ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ...
Жалчайшее созданье!..
Ужъ развѣ поумнѣлъ?... А тотъ —
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви — играть ей въ жмурки!
А мнѣ...

(Входитъ Софья).

Вы здѣсь? Я очень радъ,
Я этого желалъ.

Софья

(про себя).

И очень невпопадъ...

Чацкій.

Конечно, не меня искали?

Софья.

Я не искала васъ.

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя ли,
Хоть и не кстати, — нужды нѣтъ! —
Кого вы любите?

Софья.

Ахъ, Боже мой, — весь свѣтъ!

Чацкій.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софья.

Есть многіе родные...

Чацкій.

Всѣ — болѣе меня?

Софья.

Иные...

Чацкій.

И я чего хочу, когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!

Софья.

Хотите ли знать истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна —
Веселость ваша нескромна,
У васъ тотчасъ ужъ острота готова!
А сами вы...

Чацкій.

А самъ? Не правда ли, смѣшонъ?

Софья.

Да, грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна...
А надъ собой гроза куда не безполезна!

Чацкій.

Я страненъ? А не страненъ кто-жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ? —
Молчалинъ, напримѣръ...

Софья.

Примѣры мнѣ не новы.
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы...
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда удалюсь.

Чацкій
(держитъ ее).

Постойте же!
(Въ сторону).
Разъ въ жизни притворюсь...
(Громко).
Оставимте мы эти пренья —
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ:
Быть можетъ, онъ не то, что три года назадъ...
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ...
Есть люди важные — слыли за дураковъ:
Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать... но признано всѣмъ
свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда!
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый, —
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство,
пылкость та,
Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?

Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою — вы? — вамъ угожденье?..
Самъ это чувствую, сказать лишь не могу!..
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу!
А онъ?... смолчитъ — и голову повѣситъ.
Конечно, смиренъ — всѣ такіе не рѣзвы! —
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита!
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему:
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣшнѣе...
Нѣтъ, нѣтъ... пускай уменъ, часъ-отъ-часу умнѣе!
Но васъ онъ стоитъ ли? — вотъ вамъ одинъ вопросъ!
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку, вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ...
Потомъ
Отъ сумасшествія могу я остеречься...
Пущусь подалѣе — простыть, охолодѣть,
Не думать о любви... но буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься...

Софья

(про себя).

Вотъ нехотя съ ума свела!
(Вслухъ).
Что притворяться?
Молчалинъ давеча могъ безъ руки остаться:
Я живо въ немъ участье приняла...
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,

Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору!
Но, можетъ, истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту:
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту,
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?... Чего! —
Случись кому назвать его,
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ...
Шутить! и вѣкъ шутить! — какъ васъ на это станетъ?

Чацкій.

Ахъ, Боже мой! — неужли я изъ тѣхъ,
Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще — съ ними я скучаю.

Софья.

Напрасно!.. Это все относится къ другимъ!
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій
(съ жаромъ).

Зачѣмъ же вы его такъ коротко узнали?

Софья.

Я не старалась: Богъ насъ свелъ!
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ:
При батюшкѣ три года служитъ, —
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ...
И, между прочимъ,
Веселостей искать бы могъ, —

Ничуть! — отъ старичковъ не ступитъ за порогъ...
Мы рѣзвимся, хохочемъ, —
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ — радъ, не радъ —
Играетъ...

Чацкій.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!...
(Въ сторону).

Она его не уважаетъ...

Софья.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ — чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ...
Да этакій ли умъ семейство осчастливитъ?

Чацкій.

Сатира и мораль — смыслъ этого всего?
(Въ сторону).

Она не ставитъ въ грошъ его!...

Софья.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ, наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ,
Чужихъ и вкривь и вкось не рубитъ: —
Вотъ я за что его люблю!

Чацкій

(въ сторону).

Шалитъ... она его не любитъ!

(Вслухъ).

Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье...
Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье! —
За армію стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ — герой...

Софья.

Не моего романа.

Чацкій.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Чацкій, Софья, Лиза.

Лиза

(шопотомъ).

Сударыня, за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софья.

Простите... надобно итти мнѣ поскорѣй.

Чацкій.

Куда?

Софья.

Къ прихмахеру.

Чацкій.

Богъ съ нимъ!

Софья.

Щипцы простудитъ...

Чацкій.

Пускай себѣ!...

Софья.

Нельзя: ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами!... остаюсь опять съ моей
загадкой...
Однако, дайте мнѣ зайти, хотя украдкой,
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ...
Тамъ стѣны, воздухъ — все пріятно:
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія объ томъ, что невозвратно...
Не засижусь, войду — всего минуты двѣ...
Потомъ... подумайте: членъ Англійскаго клуба —
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба!

(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею Лиза).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Чацкій, потомъ **Молчалинъ.**

Чацкій.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей?...
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало...
Но, чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума не доставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ
есть...

(Входитъ Молчалинъ).

Вотъ онъ — на цыпочкахъ, и небогатъ словами...
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?

(Обращается къ нему).

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ...
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

По прежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ.

День за день... нынче, какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положонный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе — два! — и стоютъ нашихъ всѣхъ...

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!

Чацкій.

Какое-жъ диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ...

Чацкій.

Напрасный трудъ!

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь...
Потомъ — разрывъ...

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею не знакомъ...

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?!

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались...
Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна... извѣстная! — притомъ
Чиновные и должностные —
Всѣ ей друзья и всѣ родные!
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

Чацкій.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ... частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ...

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ — нельзя богаче! —

От҄ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ — я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ: я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите... впрочемъ, тутъ не вижу
преступленья...
Вотъ самъ Фома Фомичъ — знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну, что-жъ?

Молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ
отдѣленья!
Переведенъ сюда...

Чацкій.

Хорошъ! —
Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!..

Молчалинъ.

Какъ можно? Слогъ его здѣсь ставятъ
въ образецъ!...
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть...
Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно!

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть...

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть...

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты:
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ.

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ!

Чацкій.

Зачѣмъ же «надобно»?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ...

Чацкій

(почти громко).

Съ такими чувствами! съ такой душою!..
Любимъ?!.. Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Вечеръ. Всѣ двери настежъ, кромѣ въ спальню Софьи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ.

Чацкій, слуги.

(Слуги суетятся, одинъ изъ нихъ, Главный, *говоритъ).*

Эй, Филька, Фомка, ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей!
(Стучится къ Софьѣ въ дверь).
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.
(Расходятся; остается одинъ Чацкій).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Чацкій, Наталья Дмитріевна (молодая дама).

Наталья Дмитріевна.

Не ошибаюсь ли?... Онъ — точно, по лицу...
Ахъ, Александръ Андреичъ! — вы ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы:
Неужто такъ меня три года измѣнили?

Наталья Дмитріевна.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно ли?

Чацкій.

Нынче лишь...

Наталья Дмитріевна.

Надолго?

Чацкій.

Какъ случится...
Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли — страхъ! —
Моложе вы, свѣжѣе стали —
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ!

Наталья Дмитріевна.

Я замужемъ...

Чацкій.

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитріевна.

Мой мужъ — прелестный мужъ... вотъ онъ
сейчасъ войдетъ...
Я познакомлю васъ — хотите?

Чацкій.

Прошу.

Наталья Дмитріевна.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится... Взгляните и судите.

Чацкій.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ...

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ-съ, не потому...
Самъ по себѣ, по нраву, по уму.
Платонъ Михайлычъ мой — единственный,
безцѣнный...
Теперь въ отставкѣ, былъ военный: —
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,

Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ, —
Конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ.

Чацкій.

Ба!
Другъ старый! — мы давно знакомы!... Вотъ судьба!

Платонъ Михайловичъ.

Здорово, Чацкій, братъ...

Чацкій.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ — ведешь себя исправно...

Платонъ Михайловичъ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

Чацкій.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Платонъ Михайловичъ.

Нѣтъ, есть-таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже...

Платонъ Михайловичъ.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.

Чацкій.

Отъ скуки!... Какъ? Ужъ ты ей платишь дань?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь — къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ...

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ — эскадронъ дадутъ!... Ты — «оберъ» или «штабъ»?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ...

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

Наталья Дмитріевна.

Все ревматизмъ и головныя боли...

Чацкій.

Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край!
Будь чаще на конѣ! Деревня лѣтомъ — рай!

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву... за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

Чацкій.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ.

Да, братъ, теперь не такъ...

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, мой дружочекъ,
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ! —
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ...

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Послушайся разочекъ,
Мой милый, — застегнись скорѣй!

Платонъ Михайловичъ
(хладнокровно).

Сейчасъ...

Наталья Дмитріевна.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади!

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

Платонъ Михайловичъ
(глаза къ небу).

Ахъ, матушка!

Чацкій.

Ну, Богъ тебя суди...
Ужъ, точно, сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? — Лишь утро, ногу въ стремя —
И носишься на борзомъ жеребцѣ...
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла!

Платонъ Михайловичъ
(вздыхаетъ).

Эхъ, братецъ, — славное тогда житье-то было...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же, Князь Тугоуховскій и Княгиня съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна
(тоненькимъ голоскомъ).

Князь Петръ Ильичъ! Княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

(Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ).

І княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

Наталья Дмитріевна
2 княжна.
Какія складочки!

I княжна.
Обшито бахромой...

Наталья Дмитріевна.
Нѣтъ, если-бъ видѣли мой «тюрлюрлю» атласный!

3 княжна.
Какой «эшарпъ» cousin мнѣ подарилъ!

4 княжна.
Ахъ, да! барежевый...

5 княжна.
Ахъ, прелесть!

6 княжна.
Ахъ, какъ милъ!

Княгиня.
С-съ! — Кто это въ углу — вошли мы —
поклонился?

Наталья Дмитріевна.
Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня.
От-ста-вной?

Наталья Дмитріевна.
Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна.

Да, не женатъ.

Княгиня.

Князь, князь, сюда! — живѣе!

Князь

(къ ней обращаетъ слуховую трубку).

О-хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго! — вонъ онъ...

Князь.

И-хмъ!

(Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ).

Княгиня.

Вотъ то-то, дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ:
Танцовщики ужасно стали рѣдки!...
Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ.

Княгиня.

Бо-гатъ?

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ!

Княгиня

(громко, что есть мочи).

Князь, князь! назадъ!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня-внучка.

Ахъ, grand' maman! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя!

(Пропадаетъ въ боковую комнату).

Княгиня.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ — «первая»!.. А насъ за никого считаетъ!..
Зла — въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ... ужъ Богъ ее
проститъ!

Графиня-внучка

(вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ).

М-сье Чацкій! Вы въ Москвѣ? Какъ были — все
такіе?

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Графиня-внучка.

Вернулись — холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня-внучка.

Въ чужихъ краяхъ — на комъ!
О, нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся — и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ...

Чацкій.

Несчастные! должны-ль упреки несть
От подражательницъ модисткамъ
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочимъ — Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. Софья отъ себя выходитъ; всѣ ей навстрѣчу.

Графиня-внучка.

Eh, bonsoir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!

Загорѣцкій
(Софьѣ).

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софья.

Нѣтъ.

Загорѣцкій.

Позвольте вамъ вручить... напрасно кто бы взялся
Другой вамъ услужить! Зато
Куда я ни кидался!
Въ контору — все взято,
Къ директору — онъ мнѣ пріятель —
Съ зарей, въ шестомъ часу, и кстати-ль! —
Ужъ съ вечера никто достать не могъ!
Къ тому, къ сему — всѣхъ сбилъ я съ ногъ! —
И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой
У одного... старикъ онъ хилой,

Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ...
Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софья.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье — вдвое.
(Являются еще кое-какіе. Тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ).

Загорѣцкій.

Платонъ Михайлычъ...

Платонъ Михайловичъ.

Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь!
Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи...
Вотъ, братъ, (*Чацкому*) рекомендую:
— Какъ эдакихъ людей учтивѣе зовутъ?
Нѣжнѣе? — Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ —
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переноситъ гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ.

Загорѣцкій.

Оригиналъ... брюзгливъ... а безъ малѣйшей злобы!

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы, —
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Платонъ Михайловичъ.

Охъ, нѣтъ, братецъ, у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.
(Загорѣцкій мѣшается въ толпу).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Хлестова.

Хлестова.

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки — силы нѣтъ:
Ночь — свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку да собачку —
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!
(Сѣла).
Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!
Курчавая... горбомъ лопатки...
Сердитая... всѣ кошачьи ухватки...
Да какъ черна! да какъ страшна!..
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій!.. въ дѣвичьей она...
Позвать ли?

Софья.

Нѣтъ-съ... въ другое время.

Хлестова.

Представь: ихъ, какъ звѣрей, выводятъ на
показъ...
Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій!
(Загорѣцкій выставляется впередъ).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ...
(Загорѣцкій исчезаетъ).
Я отъ него-было и двери на запоръ, —

Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ...
Купилъ — онъ говоритъ... чай, въ карты
сплутовалъ...
А мнѣ подарочекъ, дай Богу ему здоровья!

Чацкій
(съ хохотомъ Платону Михайловичу).
Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ...
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ — пропалъ!

Хлестова.
Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

Софья.
Вонъ этотъ? — Чацкій.

Хлестова.
Ну, а что нашелъ смѣшного?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ!
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала...
Я за уши его дирала... только мало.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же и **Фамусовъ.**

Фамусовъ
(громогласно).
Ждемъ князь-Петръ-Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ
въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ... кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ
замѣтной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

Хлестова.

Творецъ мой, оглушилъ! звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и Скалозубъ, потомъ **Молчалинъ.**

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали...
А мы васъ ждали, ждали, ждали!
(Подводитъ къ Хлестовой).
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

Хлестова
(сидя).

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ...
гренадерскомъ?

Скалозубъ
(басомъ).

Въ его высочества — хотите вы сказать —
Ново-землянскомъ мушкетерскомъ?

Хлестова.

Не мастерица я полки-то различать...

Скалозубъ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ.

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я насмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ... За нами, князь, прошу.
(Его и князя уводитъ съ собою).

Хлестова
(Софьѣ).
Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ саженъ удалецъ,
Знакомитъ, не спросясь, пріятно ли намъ, нѣтъ ли!

Молчалинъ
(подаетъ ей карту).
Я вашу партію составилъ: мосье Кокъ,
Фома Фомичъ и я.

Хлестова.
Спасибо, мой дружокъ.
(Встаетъ).

Молчалинъ.
Вашъ шпицъ — прелестный шпицъ, не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая — шерстка...

Хлестова.
Спасибо, мой родной.
(Уходитъ, за ней Молчалинъ и многіе другіе).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіе явленія расходятся).

Чацкій.
Ну, тучу разогналъ...

Софья.
Нельзя-ль не продолжать!

Чацкій.

Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить...

Софья.

А кончили бы злостью!

Чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый —
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ...
Молчалинъ!—Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во-время погладитъ,
Тутъ впору карточку вотретъ...
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!..
Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли... да?

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Софья, потомъ **Г. N.**

Софья
(про себя).

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть... Завистливъ, гордъ и золъ!

Г. N.
(подходитъ).

Вы въ размышленьи?

Софья.

Объ Чацкомъ.

Г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

Софья.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N.

Ужли съ ума сошелъ?!

Софья
(помолчавши).

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. N.

Однако, есть примѣты?

Софья
(смотритъ на него пристально).

Мнѣ кажется.

Г. N.

Какъ можно!.. въ эти лѣты!

Софья.

Какъ быть!
(Въ сторону).
Готовъ онъ вѣрить...
А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно-ль на себѣ примѣрить?
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Г. N. потомъ **Г. D.**

Г. N.

Съ ума сошелъ!.. Ей кажется... вотъ на!
Не даромъ, стало быть... съ чего-бъ взяла она?
Ты слышалъ?

Г. D.

Что?

Г. N.

Объ Чацкомъ?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

Съ ума сошелъ!

Г. D.

Пустое!

Г. N.

Не я сказалъ — другіе говорятъ.

Г. D.

А ты разславить это радъ?

Г. N.

Пойду, освѣдомлюсь... чай, кто-нибудь да знаетъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Г. D. потомъ **Загорѣцкій.**

Г. D.

Вѣрь болтуну:

Услышитъ вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій.

Ну?

Г. D.

Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій.

А... знаю, помню, слышалъ...
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя, плутъ...
Схватили — въ жолтый домъ, и на цѣпь посадили!...

Г. D.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ...

Загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили!

Г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ...
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу... однако, чуръ, секретъ!

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Загорѣцкій, потомъ **Графиня-внучка.**

Загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ?.. Извѣстная фамилья...
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

Графиня-внучка.
Объ комъ?

Загорѣцкій.
Объ Чацкомъ! Онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Графиня-внучка.
Знаю.
Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій.
Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій...

Графиня-внучка.
Что?

Загорѣцкій.
Да, онъ сошелъ съ ума!

Графиня-внучка.
Представьте: я замѣтила сама!
И хоть пари держать — со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же и Графиня-бабушка.

Графиня-внучка.
Ah, grand' maman, вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте: вотъ прелести! вотъ мило!..

Графиня-бабушка.
(шепелявитъ).
Мой другъ, мнѣ уши заложило —
Скажи погромче!..

Графиня-внучка.

Время нѣтъ!

(Указываетъ на Загорѣцкаго).

Il vous dira toute l'histoire...

Пойду, спрошу.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Загорѣцкій и **Графиня-бабушка.**

Графиня-бабушка.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

Загорѣцкій.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму!

Графиня-бабушка.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны!

Графиня-бабушка.

Что? Къ фармазонамъ въ клобъ?
Пошелъ онъ въ басурманы?

Загорѣцкій.

Ее не вразумишь...

(Уходитъ).

Графиня-бабушка.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ! Всѣ въ страхѣ, впопыхахъ!

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Графиня-бабушка и Князь Тугоуховскій.

Графиня-бабушка.

Князь, князь! охъ, этотъ князь! по баламъ... самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?

Князь.

А-хмъ?

Графиня-бабушка.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть, можетъ, видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь.

Э-хмъ?

Графиня-бабушка.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

Князь.

И-хмъ?

Графиня-бабушка.

Тесакъ ему да ранецъ —
Въ солдаты!.. Шутка ли? Перемѣнилъ законъ!

Князь.

У-хмъ?

Графиня-бабушка.

Да!.. въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а?... Глухъ, мой отецъ? Достаньте свой рожокъ...
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, Графиня-внучка, Княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ **Фамусовъ** и многіе другіе.

Хлестова.

Съ ума сошелъ!.. прошу покорно...
Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платонъ Михайловичъ.

Кто первый разгласилъ?

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

Платонъ Михайловичъ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ...
А мнѣ сомнительно...

Фамусовъ
(входя).

О чемъ, о Чацкомъ, что ли?
Чего «сомнительно»? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ:
Попробуй о властяхъ — и не-вѣсть что наскажетъ! —
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ —
Хоть предъ монаршіимъ лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

Хлестова.

Туда же — изъ смѣшливыхъ:
Сказала что-то я — онъ началъ хохотать...

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ
архивахъ...

Графиня-внучка.

Меня модисткою изволилъ величать...

Наталья Дмитріевна.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ...

Загорѣцкій.

Безумный — по всему!

Графиня-внучка.

Я видѣла изъ глазъ...

Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья:
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ! —
Чай, пилъ не по лѣтамъ...

Княгиня.

О, вѣрно...

Графиня-внучка.

Безъ сомнѣнья!

Хлестова.

Шампанское стаканами тянулъ...

Наталья Дмитріевна.

Бутылками-съ... и пребольшими...

Загорѣцкій
(съ жаромъ).
Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

Фамусовъ.
Ну, вотъ — великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье — вотъ чума! ученость — вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей и дѣлъ и мнѣній!

Хлестова.
И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ... отъ од-
нихъ —
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь
ихъ! —
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій!

Княгиня.
Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій — такъ, кажется, зовутъ? —
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи
Профессоры! У нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку,
въ подмастерьи...
Онъ женщинъ бѣгаетъ... и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ
ботаникъ —
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ.
Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ,
гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ! два!..
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ, — ужъ коли зло пресѣчь,
Забрать всѣ книги бы, да сжечь!

Загорѣцкій
(съ кротостью).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь... А если-бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ... охъ, басни смерть моя! —
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами...
Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари!

Хлестова.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль!
А Чацкаго мнѣ жаль...
По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три...

Фамусовъ.

Четыре...

Хлестова.

Три, сударь.

Фамусовъ.

Четыреста!

Хлестова.

Нѣтъ, триста!

Фамусовъ.

Въ моемъ календарѣ...

Хлестова.

Все врутъ календари!..

Фамусовъ.

Какъ-разъ четыреста... охъ, спорить голосиста!

Хлестова.

Нѣтъ, триста!.. ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ.

Четыреста! — прошу понять...

Хлестова.

Нѣтъ, триста! триста! триста!..

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же всѣ и Чацкій.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ онъ...

Графиня-внучка.

Ш-шъ!

Всѣ.

Ш-шъ!

(Пятятся отъ него въ противную сторону).

Хлестова.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!

(Опасливо).

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ...
Съ дороги нуженъ сонъ... Дай пульсъ...
Ты нездоровъ...

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ!.. мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(Подходитъ къ Софьѣ).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой...
Нѣтъ, недоволенъ я Москвой.

Хлестова.

Москва, вишь, виновата!

Фамусовъ.

Подальше отъ него!
(Дѣлаетъ знаки Софьѣ).
Г-мъ, Софья! — Не глядитъ...

Софья
(Чацкому).

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами...
Пріѣхалъ, — и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца...
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,

Своя провинція!... Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ:
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...
— Онъ радъ, но мы не рады! —
Умолкъ, — и тутъ со всѣхъ сторонъ —
Тоска, и оханье, и стонъ!
«Ахъ, Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!» —
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ издѣтства натверженъ ...
Куда дѣваться отъ княжонъ?
Я одаль возсылалъ желанья,
Смиренныя — однако вслухъ, —
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжой,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой!
Пускай меня объявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во-сто-кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, —
Движенья связаны и не краса лицу!
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы — такъ и умы коротки...
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ

Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?
— «Какъ европейское поставить въ параллель
«Съ національнымъ? — странно что-то...
«Ну, какъ перевести «мадамъ», «мадмуазель»?
«Ужли — «сударыня»?» — забормоталъ мнѣ
кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ!
«Сударыня»! ха-ха-ха-ха... прекрасно!
«Сударыня»! ха-ха-ха-ха... ужасно!»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но — всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною — онъ не новый...
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ княжонъ вселять участье!
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ
кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять, —
. . Глядь...

(Оглядывается; всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

У Фамусова въ домѣ. Парадныя сѣни; большая лѣстница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей; внизу справа (отъ дѣйствующихъ лицъ) выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва на одномъ же планѣ комната Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи — иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Графиня-бабушка, Графиня-внучка, впереди ихъ лакей.

Лакей.
Графини Хрюминой карета!

Графиня-внучка
(покуда ее укутываютъ).
Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта —
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать...

Графиня-бабушка.
Поѣдемъ, матушка, — мнѣ, право, не подъ силу!
Когда-нибудь я съ бала да въ могилу...
(Обѣ уѣзжаютъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмитріевна.

(Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ).

Карета Горича!

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ! жизнь моя!
Безцѣнный! душечка! что смотришь такъ уныло?
(Цѣлуетъ мужа въ лобъ).
Признайся: весело у Фамусовыхъ было?

Платонъ Михайловичъ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я:
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь — твой работникъ, —
Дежурю за-полночь... подчасъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ...

Наталья Дмитріевна.

Ты притворяешься, и очень неискусно:
Охота смертная прослыть за старика!
(Уходитъ съ лакеемъ).

Платонъ Михайловичъ
(хладнокровно).

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька...
И кто жениться насъ неволитъ!
Вѣдь сказано-жъ, иному на роду...

Лакей
(съ крыльца).

Въ каретѣ барыня-съ — и гнѣваться изволитъ.

Платонъ Михайловичъ
(со вздохомъ).

Иду, иду!

(Уѣзжаютъ).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Чацкій и **лакей** его впереди.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали!

(Лакей уходитъ).

Ну, вотъ, и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ... радость... обнялись... Пустое!..
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди —
Свѣтло, сине, разнообразно...
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый... вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ! Чѣмъ больше думать станешь...

(Лакей возвращается).

Готово?

Лакей.

Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдутъ...

Чацкій.

Пошелъ, ищи, — не ночевать же тутъ!

(Лакей опять уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Чацкій, Репетиловъ (вбѣгаетъ съ крыльца; при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется).

Репетиловъ.

Тьфу, оплошалъ!... Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель?..
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты:
Сейчасъ растолковать прошу! —
Какъ будто зналъ... сюда спѣшу —
Хвать, — объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ!
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ! —
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть...
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей-ей!..
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ...
Да разразитъ меня Господь!...

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть!

Репетиловъ.

Не любишь ты меня — естественное дѣло! —
Съ другими я и такъ и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло...
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!

Чацкій.
Вотъ странное уничиженье...

Репетиловъ.
Ругай меня! Я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!..
Скажи: который часъ?

Чацкій.
Часъ ѣхать спать ложиться...
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.
Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты? Есть книга...

Чацкій.
А ты читалъ? — задача для меня...
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.
Зови меня вандаломъ! —
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ! Обманывалъ жену!
Игралъ! проигрывалъ! въ опеку взятъ указомъ!
Танцовщицу держалъ! и не одну —
трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! не спалъ ночей по девяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.
Послушай: ври, да знай же мѣру:
Есть отъ чего въ отчаянье притти!

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! — всю ночь не рыщу на пролетъ.

Чацкій.

Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ.

Что ночь одна! — не въ счетъ!..
Зато спроси: гдѣ былъ?

Чацкій.

И самъ я догадаюсь...
Чай, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ... Чтобъ исповѣдь начать:
Изъ шумнаго я засѣданья...
Пожалуйста, молчи: я слово далъ молчать...
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ... секретнѣйшій союзъ...

Чацкій.

Ахъ, я, братецъ, боюсь...
Какъ? въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно!

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ взашеи прогнать и васъ и ваши тайны!

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ — никто не разберетъ!

Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ, —
Частенько слушаю, не разжимая губъ...
Мнѣ не подъ-силу, братъ... я чувствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre, у насъ тебя недоставало ...
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ! мы, благо, на ходу...
Съ какими я тебя сведу
Людьми: ужъ на меня нисколько не похожи!
Что за люди, mon cher, — сокъ умной молодежи!

Чацкій.

Богъ съ ними... и съ тобой... Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую ночь?... Домой! — я спать хочу.

Репетиловъ.

Э, брось! кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій! —
Рѣшись!.. а мы... у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ!..

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы — и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ!
Но государственное дѣло...
Оно, вотъ видишь, не созрѣло —

Нельзя же вдругъ...
Что за люди, mon cher! — безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій —
Чудакъ единственный — насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами... вся англійская складка:
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка...
Ты не знакомъ? О, познакомься съ нимъ!
Другой — Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нонъ ла-шьяръ ми, но-но-но...»
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боринька — чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать...
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ...
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ!.. да онъ не пишетъ ничего...
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты, однако, отыскать
Его отрывокъ: «Взглядъ и нѣчто».
Объ чемъ, бишь, «нѣчто»? — обо всемъ!
Все знаетъ! — мы его на черный день пасемъ...
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту —
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ...
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лицо горитъ,

Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ!
Вотъ люди! .. Есть ли имъ подобные? Наврядъ...
Ну, между ними я, конечно, заурядъ,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ — подумать ужасъ!
Однако-жъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И какъ-то невзначай — вдругъ каламбуръ рожу!
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся! А что любо — любо...
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе — вотъ чѣмъ я людямъ милъ...
Совру — простятъ...

Лакей
(у подъѣзда).
Карета Скалозуба.

Репетиловъ.
Чья?

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и **Скалозубъ** (спускается съ лѣстницы).

Репетиловъ
(къ нему навстрѣчу).
Ахъ, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? Сдѣлай дружбу!
(Душитъ его въ объятіяхъ).

Чацкій.
Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(Входитъ въ швейцарскую).

Репетиловъ
(Скалозубу).

Слухъ объ тебѣ давно затихъ:
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу...
Знакомы вы?
(Ищетъ глазами Чацкаго).
Упрямецъ!.. ускакалъ...
Нѣтъ нужды... Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка — со мной, сейчасъ,
безъ отговорокъ!
У князь-Григорія теперь народу тьма:
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ...
Фу, сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ — не наскучатъ...
Во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на-убой,
А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой!

Скалозубъ.

Избавь... ученостью меня не обморочишь!
Скликай другихъ... а если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете, такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда!
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ-Клоцъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья —
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы!
Съ его женой и съ нимъ пускался въ «реверси»,

Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ...
Съ колоннами! огромный! сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его:
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ — ничего!
Тесть — нѣмецъ, а что проку! —
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость, будто бы, къ роднѣ...
Боялся, прахъ его возьми! — да легче-ль мнѣ?
Секретари его — родъ хамскій и продажный,
Людишки, пишущая тварь! —
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Гляди-ка въ Адресъ-календарь...
Тьфу! служба и чины, кресты — душѣ надсадка...
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что за правительство путемъ бы взяться надо:
Желудокъ дольше не варитъ!..
(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покудова уѣхалъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Репетиловъ, Загорѣцкій.

Загорѣцкій.

Извольте продолжать... Вамъ искренно признаюсь:
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ —
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!..

Репетиловъ
(съ досадой).

Всѣ врознь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ — гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій — вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

З а г о р ѣ ц к і й.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Р е п е т и л о в ъ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы... тутъ всякіе турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да, водевилъ есть вещь, а прочее все — гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же вкусы...

З а г о р ѣ ц к і й.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?

Р е п е т и л о в ъ.

Какая чепуха!

З а г о р ѣ ц к і й.

Объ немъ всѣ этой вѣры...

Р е п е т и л о в ъ.

Вранье!

З а г о р ѣ ц к і й.

Спросите всѣхъ...

Р е п е т и л о в ъ.

Химеры!

З а г о р ѣ ц к і й.

А кстати — вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами...

Р е п е т и л о в ъ.

Дичь!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Репетиловъ, Загорѣцкій, Князь и **Княгиня съ шестью дочерьми;** немного погодя **Хлестова** спускается съ парадной лѣстницы; **Молчалинъ** ведетъ ее подъ-руку. **Лакеи** въ суетахъ.

Загорѣцкій.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 Княжна.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2 Княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ...

3 Княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы!..

4 Княжна.

Ахъ, вѣсти старыя! — кому онѣ новы?

5 Княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ — не вѣритъ...

6 Княжна.

Вы?

Всѣ вмѣстѣ.

Мсье Репетиловъ, вы?.. Мсье Репетиловъ, что вы?..
Да какъ вы?.. Можно-ль противъ всѣхъ?..
Да почему вы?... Стыдъ и смѣхъ!

Репетиловъ
(затыкаетъ себѣ уши).
Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно...

Княгиня.
Еще не гласно бы!... Съ нимъ говорить опасно —
Давно бы запереть пора!
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ,
Вашъ Чацкій... Ѣдемте. Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи... мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлестова
(съ лѣстницы).
Княгиня, карточный должокъ...

Княгиня.
За мною, матушка...

Всѣ
(другъ другу).
Прощайте.
(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Репетиловъ, Хлестова, Молчалинъ.

Репетиловъ.
Царь небесный!
Анфиса Ниловна!.. Ахъ, Чацкій бѣдный... вотъ —
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

Хлестова.
Такъ Богъ ему судилъ! А впрочемъ,
Полечатъ — вылечатъ, авось...

А ты, мой батюшка, неисцѣлимъ, хоть брось! —
Изволилъ во-время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой...
Не нужны проводы . . . поди, Господь съ тобой...
(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату).
Прощайте, батюшка... пора перебѣситься!
(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Репетиловъ (съ своимъ лакеемъ).

Репетиловъ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту...
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь!
(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

(Послѣдняя лампа гаснетъ).

Чацкій
(выходитъ изъ швейцарской).

Что это? — слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ — какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ...
О, еслибъ кто въ людей проникъ:
Что хуже въ нихъ — душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бьютъ,
И вотъ — общественное мнѣнье!

И вотъ — та родина... Нѣтъ, въ нынѣшній
пріѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.
А Софья знаетъ ли? — Конечно, разсказали...
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ
Потѣшилась, и — правда или нѣтъ —
Ей все равно... другой ли, я ли —
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ!
Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?..
Нервъ избалованность — причуда:
Возбудитъ малость ихъ и малость утишитъ! —
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей... Ни
крошки!
Она, конечно бы, лишилась также силъ,
Когда бы кто-нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки...

Софья
(надъ лѣстницей во второмъ этажѣ, со свѣчкой).

Молчалинъ, вы?
(Поспѣшно опять дверь припираетъ).

Чацкій.

Она... она сама!
Ахъ... голова горитъ, вся кровь моя
въ волненьи...
Явилась... нѣтъ ея... неужели въ видѣньи?
Не впрямь ли я сошелъ съ ума?
Къ необычайности я, точно, приготовленъ...
Но не видѣнье тутъ — свиданья часъ условленъ!
Къ чему обманывать себя мнѣ самого? —
Звала Молчалина, — вотъ комната его...

Лакей
(его съ крыльца).

Каре...

Чацкій.

С-съ!

(Выталкиваетъ его вонъ).

Буду здѣсь, и не смыкая глазу,
Хоть до утра! Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше сразу,
Чѣмъ медлить... а бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Чацкій спрятанъ; **Лиза** со свѣчкой.

Лиза.

Ахъ, мочи нѣтъ! робѣю:
Въ пустыя сѣни! въ ночь!.. боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ...
Мучительница барышня — Богъ съ нею!...
И Чацкій — какъ бѣльмо въ глазу! —
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь, внизу.

(Осматривается).

Да, какъ же! — по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота:
Любовь на завтра поберегъ,
Домой — и спать залегъ.
Однако, велѣно къ сердечному толкнуться...

(Стучится къ Молчалину).

Послушайте-съ... извольте-ка проснуться!
Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зоветъ!
Да поскорѣй, чтобъ не застали!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Чацкій (за колонною), **Лиза, Молчалинъ** (потягивается, зѣваетъ), **Софья** (крадется сверху).

Лиза.

Вы, сударь, камень!.. сударь, ледъ!..

Молчалинъ.

Ахъ, Лизанька, ты отъ себя ли?

Лиза.

Отъ барышни-съ...

Молчалинъ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ не игралъ?
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ!

Лиза.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ — кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы!

Молчалинъ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

Лиза.

А съ барышней?

Молчалинъ.

Поди...
Надежды много впереди:
Безъ свадьбы время проволочимъ...

Лиза.

Что вы, сударь! да мы кого-жъ
Себѣ въ мужья другого прочимъ?

Молчалинъ.

Не знаю... А меня такъ пробираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,

Что Павелъ Афанасьичъ разъ
Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что?.. открыть ли
душу? —
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго... Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато! —
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ, какъ его...
Мой ангельчикъ, желалъ бы вполовину
Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ...
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ:
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь —
и простыну!..

Софья
(въ сторону).

Какія низости!

Чацкій.
(за колонною).

Подлецъ!

Лиза.

И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ
безъ изъятья —
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платья,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была...

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ.

И вотъ — любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза.

Который кормитъ и поитъ,
А иногда и чиномъ наградитъ?..
Пойдемте же!... довольно толковали!

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали...
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты!

(Лиза не дается).

Зачѣмъ она — не ты!

(Хочетъ итти, Софья не пускаетъ).

Софья

(почти шопотомъ; вся сцена вполголоса).

Нейдите далѣе! Наслушалась я много...
Ужасный человѣкъ!.. Себя я, стѣнъ стыжусь!

Молчалинъ.

Какъ!.. Софья Павловна!...

Софья.

Ни слова, ради Бога!
Молчите! — я на все рѣшусь...

Молчалинъ

(бросается на колѣни, Софья отталкиваетъ).

Ахъ, вспомните... не гнѣвайтеся, взгляньте!..

Софья.

Не помню ничего! Не докучайте мнѣ!
Воспоминанія... какъ острый ножъ онѣ!...

Молчалинъ
(ползаетъ у ногъ ея).
Помилуйте...

Софья.
Не подличайте, встаньте!..
Отвѣта не хочу, — я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете...

Молчалинъ.
Сдѣлайте мнѣ милость...

Софья.
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Молчалинъ.
Шутилъ... и не сказалъ я ничего, окромѣ...

Софья.
Отстаньте, говорю... сейчасъ!...
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
И погублю себя и васъ!
(Молчалинъ встаетъ).
Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала!
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать — не стоите вы ихъ!...
Но — чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала!
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

Молчалинъ.
Какъ вы прикажете...

Софья.
Иначе разскажу
Всю правду батюшкѣ съ досады!

Вы знаете, что я собой не дорожу...
Подите... Стойте!... будьте рады,
Что при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въявѣ!
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души...
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала —
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давеча, когда я въ обморокъ упала,
Здѣсь Чацкій былъ...

Чацкій
(бросается между ними).
Онъ здѣсь, притворщица!

Лиза и Софья.
Ахъ! ахъ!..
(Лиза роняетъ свѣчку съ испугу; Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же, кромѣ **Молчалина.**

Чацкій.
Скорѣе въ обморокъ! — теперь оно въ порядкѣ:
Важнѣе давишной причина есть тому.
Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ...
Глядѣлъ и видѣлъ — и не вѣрилъ!
А милый, — для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій страхъ, и стыдъ, —
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ...
Ахъ, какъ игру судьбы постичь? —

Людей съ душой гонительница, бичъ!..
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софья

(вся въ слезахъ).

Не продолжайте! Я виню себя кругомъ!..
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ
коваренъ?

Лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой, сюда бѣжитъ весь
домъ!..
Вашъ батюшка!.. Вотъ будетъ благодаренъ!

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Чацкій, Софья, Лиза, Фамусовъ, толпа слугъ со свѣчами.

Фамусовъ.

Сюда! за мной! скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! — знакомыя все лица!
Дочь!... Софья Павловна! срамница!
Безстыдница! Гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни взять
она,
Какъ мать ея, покойница жена:
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врознь — ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! Какъ! — чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла!..
Нѣтъ, глупость на меня и слѣпота напала:
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ... За что я такъ наказанъ!..

Чацкій

(Софьѣ).

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ, не финти: не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь — не повѣрю!
Ты, Филька! ты — прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю:
Не знаетъ ни про что, не чуетъ ничего!..
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ! —
За грошъ продать меня готовы!...
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказъ!...
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы —
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, — за птицами ходить!..
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Еще дня два терпѣнія возьми, —
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ
съ людьми! —
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ! —
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать!..
А васъ, сударь, прошу я толкомъ,
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ...
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!..
Я постараюсь... я!... въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ!
Въ сенатъ подамъ! министрамъ! государю!...

Чацкій

(послѣ нѣкотораго молчанія).

Не образумлюсь... виноватъ...
И слушаю — не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю...

(Съ жаромъ).

Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ!... летѣлъ!... дрожалъ!... вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы... о, Боже мой! — кого себѣ избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли?
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ?
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ?
Дышалъ и ими жилъ, былъ занятъ безпрерывно!..
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки — все противно! —
Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добираться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ...

(Насмѣшливо).

Вы помиритесь съ нимъ, по размышленьи зрѣломъ...
Себя крушить — и для чего? —
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за дѣломъ...

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ
пажей —
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей...
Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ
разрывомъ...
А вы, сударь-отецъ! вы, страстные къ чинамъ!
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ:
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ!
Другой найдется — благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный...
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой, и спала пелена!
Теперь не худо-бъ было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду!
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ!... Мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ! —
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ...
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышитъ воздухомъ однимъ, —
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ!...
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ...
Бѣгу... не оглянусь... пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ! карету!...

(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Кромѣ **Чацкаго.**

Фамусовъ

(долгое время стоитъ въ остолбенѣніи).

Ну, что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ? —
Скажи серьезно!
Безумный! что онъ тутъ за чепуху мололъ!
«Низкопоклонникъ»! «тесть»! и про Москву такъ
грозно!
А ты меня рѣшилась уморить! —
Моя судьба еще ли не плачевна?...
Ахъ, Боже мой! — что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!...

Конецъ.

О ТЕКСТѢ «ГОРЯ ОТЪ УМА».

Въ обширной критической литературѣ о Грибоѣдовѣ было мало работъ, посвященныхъ критикѣ текста «Горя отъ ума». Самый вопросъ о подобной критикѣ могъ быть поставленъ только въ послѣднее время, послѣ изданія монументальныхъ трудовъ проф. Н. К. Пиксанова*), содержащихъ въ себѣ главнымъ образомъ, точное воспроизведеніе важнѣйшихъ списковъ комедіи. Такими списками могутъ считаться три, прекрасно изученные Н. К. Пиксановымъ. Первый — ранній (1823—1824), представляющій, по нашему мнѣнію, наиболѣе полное идеологическое выраженіе замысла, когда поэтъ отдавался творчеству, не думая о внѣшнихъ ограниченіяхъ своей мысли. Здѣсь Грибоѣдовъ свободно выражалъ тѣ сужденія о многихъ явленіяхъ и лицахъ своего времени, которыя вскорѣ затѣмъ показались опасными съ цензурной точки зрѣнія. Съ этой стороны передѣлки нѣсколькихъ мѣстъ, явно предпринятыя въ угоду цензурнымъ требованіямъ, должны разсматриваться, при исторической критикѣ текста, какъ вынужденныя и потому утратившія свое значеніе къ настоящему времени. Два слѣдующіе списка — «Булгаринскій»

*) Полное собр. соч. А. С. Грибоѣдова. Тома I—III. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. К. Пиксанова. Изд. Разряда изящной словесности Имп. Академіи Наукъ. С. Петербургъ, 1913.

(1824) и «Жандровскій» (1828), почти совпадающіе, представляютъ собой тотъ текстъ, который былъ установленъ самимъ Грибоѣдовымъ для современной ему печати и сцены.

Другими словами, въ него вошли всѣ тѣ измѣненія, при помощи которыхъ онъ надѣялся смягчить цензурныя строгости. На основаніи сличенія этихъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ списковъ, Н. К. Пиксановъ предложилъ свой текстъ «Горя отъ ума» — въ качествѣ основного, научно установленнаго текста.

Однако, В. Л. Бурцевъ, въ своей недавно вышедшей заграницей*) любопытной работѣ о текстѣ грибоѣдовской комедіи, отдавая должное трудамъ Н. К. Пиксанова по воспроизведенію различныхъ списковъ, не согласился считать редакцію, предложенную послѣднимъ, окончательной. Тщательное изученіе текста вызвало со стороны В. Л. Бурцева рядъ интересныхъ замѣчаній, которыя не могутъ не быть приняты во вниманіе при послѣдующихъ работахъ надъ текстомъ комедіи, какъ и при общемъ изученіи ея. Таковы замѣчанія о недочетахъ редакторской работы прежде всего самого Грибоѣдова. Стремясь уяснить не особенности правописанія, а самую сущность грибоѣдовской мысли, т. е. не то, какъ записалъ Грибоѣдовъ свои стихи, но то, что хотѣлъ онъ сказать ими, В. Л. Бурцевъ почелъ себя въ правѣ нарушить грибоѣдовскую пунктуацію и орѳографію. Несомнѣнно, что наше время предъявляетъ къ тексту комедіи болѣе углубленныя и утонченныя требованія, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Редакторъ могъ считать себя призваннымъ удовлетворить

---

*) Грибоѣдовъ. «Горе отъ ума». Комедія въ стихахъ (въ 4-хъ дѣйствіяхъ), подъ редакціей, съ примѣчаніями и вступительной статьей В. Л. Бурцева. Парижъ, 1919.

этимъ требованіямъ. Съ этой точки зрѣнія В. Л. Бурцевъ совершенно правъ. Но съ нимъ никакъ нельзя согласиться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ не считался въ достаточной мѣрѣ ни съ писательской волей Грибоѣдова въ отношеніи сдѣланныхъ имъ ремарокъ, ни съ особенностями старо-московской рѣчи, блистательно представленными Грибоѣдовымъ и не вполнѣ оцѣненными В. Л. Бурцевымъ. Стремясь истолковать пьесу возможно полнѣе, В. Л. Бурцевъ внесъ въ свой текстъ много ремарокъ, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ историческихъ списковъ комедіи, и допустилъ нѣсколько перестановокъ словъ въ угоду кажущейся легкости чтенія. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ, предлагаемый имъ текстъ не вполнѣ совершененъ и оставляетъ желать дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи.

Такимъ образомъ, чтобы установить важнѣйшіе принципы предстоящаго изученія грибоѣдовскаго текста, необходимо принять во вниманіе нѣсколько соображеній. Самъ Грибоѣдовъ, какъ извѣстно, заявилъ, что ему приходилось «портить» комедію въ угоду цензурѣ, т. е. отступать отъ болѣе ранней и болѣе идеологически-свободной редакціи. Такою редакціей только и могъ быть списокъ, названный нами выше «раннимъ» (1823—1824), который Грибоѣдовъ подарилъ своему ближайшему другу и первому читателю комедіи С. Н. Бѣгичеву. Продолжая затѣмъ работать надъ текстомъ, Грибоѣдовъ «портилъ» одни мѣста комедіи и усовершенствовалъ другія, что и заставило его впослѣдствіи просить Бѣгичева сжечь подаренный ему списокъ, какъ «не чистый» т. е. не чистовой, не окончательный, «несовершенный». Бѣгичевъ, къ счастью, не исполнилъ просьбу поэта и сохранилъ для насъ реда-

кцію, по которой мы можемъ судить, въ какомъ направленіи шла «порча». Не представляетъ сомнѣнія, что она касалась стиховъ, заключавшихъ въ себѣ прежде всего конкретныя указанія на правительство, на правящіе классы и вообще на администрацію, хотя они звучали въ устахъ Фамусова и Репетилова совершенно невинно. «Порча» состояла въ смягченіи и замѣнѣ конкретныхъ и точныхъ указаній, въ духѣ Грибоѣдова, болѣе общими словами и намеками. Въ этомъ отношеніи редакторы новѣйшихъ изданій «Горя отъ ума» стоятъ предъ необходимостью рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ, какая изъ двухъ редакцій предположительно «порченыхъ» стиховъ ближе отвѣчаетъ свободному замыслу поэта.

Съ другой стороны, современное намъ установленіе основного текста, являющееся слѣдствіемъ критическаго сличенія извѣстныхъ списковъ, даетъ нашей эпохѣ право изучать геніальныя произведенія прошлаго съ помощью пріемовъ и методовъ, облегчающихъ это изученіе. Здѣсь В. Л. Бурцевъ неотразимо правъ.

Грибоѣдовскій текстъ долженъ быть подвергнутъ тѣмъ пріемамъ научнаго изученія, какіе примѣняются къ пушкинскому тексту. Въ соотвѣтствіи съ этимъ оказывается необходимымъ изъять всѣ искаженія основной мысли поэта, допущенныя въ прошломъ по какимъ бы то ни было причинамъ. Формальная сторона списковъ «Горя отъ ума» образуетъ спеціальный, строго академическій этапъ въ изученіи комедіи. За нимъ наступаетъ наиболѣе существенный моментъ — уясненіе, идеологическое и художественное, творенія Грибоѣдова во всѣхъ мельчайшихъ особенностяхъ, уклонахъ и изгибахъ его творческой мысли. Расматри-

вая комедію съ этой стороны, редакторъ не только имѣетъ право, но и обязанъ представить читателямъ текстъ комедіи въ такомъ видѣ, какой, по его убѣжденію, въ наибольшей мѣрѣ отвѣчаетъ свободному проявленію творческой воли поэта.

Именно этимъ принципамъ слѣдовалъ я при редактированіи предлагаемаго текста. Я старался сохранить при этомъ всѣ оттѣнки грибоѣдовской мысли, не игнорируя ни основныхъ историческихъ списковъ комедіи, ни работы прежнихъ редакторовъ, нерѣдко вносившихъ весьма удачныя исправленія въ текстъ. Не слѣдуя многимъ особенностямъ исторической орѳографіи текста, какъ извѣстно — весьма неустойчивой, я ограничился нѣсколькими указаніями въ примѣчаніяхъ. Тамъ же нашли себѣ мѣсто и наиболѣе характерныя разночтенія. Особое вниманіе удѣлено мною пунктуаціи, которая имѣетъ столь исключительное значеніе при чтеніи настоящей комедіи вообще и при истолкованіи синтаксически-неясныхъ мѣстъ текста въ частности.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр. 9. — «Пора, сударь, вамъ знать»... «Ну, что же стали вы? Поклонъ, сударь, отвѣсьте!»... «Осмѣлюсь я, сударь,...» «Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?».. «Боюсь, сударь, я одного смертельно»... При отчетливомъ скандированіи этихъ стиховъ удареніе въ словѣ «суда́рь» падаетъ на первый отъ конца слогъ. Однако, наряду съ этимъ, встрѣчается у Грибоѣдова и употребленіе слова «сударь» съ удареніемъ на второмъ отъ конца слогѣ, т. е. это слово звучитъ у него такъ, какъ мы его произносимъ: «Нѣтъ, сударь... я лишь невзначай»... «Ну, сударь мой, а ты?» Форма «сударь», какъ переходная отъ «государь», «осударь», сохранялась сто лѣтъ назадъ въ живой рѣчи, постепенно теряя свое удареніе на второмъ слогѣ и перенося его на первый. Въ стихахъ Грибоѣдова это слово звучало, какъ безударное, какъ своего рода «энклитика», примыкая въ отношеніи ударенія къ предыдущему ударному слогу. Являясь лишь «формой», не выражая реальнаго оттѣнка живой мысли, слово это произносилось тогда, какъ и нынѣ, скороговоркою и, такимъ образомъ, какъ бы скрадывалось, затиралось въ общемъ теченіи рѣчи. Энклитическая природа слова «сударь» прекрасно характеризуется его дальнѣйшей судьбой — въ сокращеніяхъ «с-дарь» (ср. «милсдарь»). Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ перестановкой этого слова въ двухъ случаяхъ у Бурцева.

Аналогичное явленіе: «Охъ, нѣтъ, *братецъ*, у насъ ругаютъ вездѣ» ... «Что балъ, *братецъ*, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня»... «Ахъ, я, *братецъ*, боюсь»... «Я отъ него *было* и двери на запоръ»... «Что *за́ люди*, mon cher, сокъ умной молодежи».

Стр. 9. — «Ушелъ! ... Ахъ, отъ господской власти»... Раздѣляемъ соображенія Бурцева о предпочтительности этого и трехъ послѣдующихъ стиховъ, взятыхъ изъ ранняго (1823—1824) списка, передъ редакціей болѣе поздней:

Ушелъ! .. Ахъ, отъ господъ подалѣй!
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь...
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь!

Несомнѣнно, что позднѣйшая редакція явилась слѣдствіемъ цензурнаго смягченія редакціи ранняго списка. Въ крѣпостномъ положеніи Лизы ей трудно было быть «отъ господъ подалѣй», и слово «печалей» звучитъ нѣсколько искусственно въ ея устахъ, тогда какъ слово «несчастій» отчетливо ассоціируется съ понятіями «барскій гнѣвъ» и «барская любовь».

Стр. 13. — У Бурцева читаемъ: «А пуще дочери! .. Да сами, *дураки!*» «Въ видѣнныхъ мною, — пишетъ Бурцевъ, — спискахъ «Горя отъ ума», относящихся, если не ошибаюсь, къ 1824—1825 гг., встрѣчается вмѣсто слова «добряки» слово «дураки». У насъ нѣтъ указаній, что такое измѣненіе этого стиха было когда-нибудь сдѣлано самимъ Грибоѣдовымъ, но мало вѣроятно, чтобы въ этомъ стихѣ онъ самъ считалъ нужнымъ употребить слово «добряки». — Въ такомъ состояніи духа, въ какомъ былъ Фамусовъ при разговорѣ съ Софьей, Лизой и Молчалинымъ, онъ не могъ сказать про себя и себѣ подобныхъ — «добряки». Онъ могъ употребить только слово «дураки». — Мы знаемъ условія тогдашней сцены, къ которой приспособлялъ Грибоѣдовъ свою комедію, и условія тогдашней русской общественной жизни, и намъ, конечно, вполнѣ понятно, почему такой бюрократъ, какъ Фамусовъ, не могъ съ театральныхъ подмостковъ про людей своего круга сказать «дураки».

«Разумѣется, мы, — продолжаетъ Бурцевъ, — выполнимъ волю автора, если въ данномъ стихѣ поставимъ слово, котораго онъ въ то время самъ поставить не могъ, по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ, но которое вѣрнѣе выражаетъ его мысль».

Мы не считаемъ этихъ соображеній достаточными для того, чтобы замѣнить одно слово другимъ въ грибоѣдовскомъ текстѣ. Особенно неосновательной представляется намъ ссылка на цензуру. Какъ ни строга была николаевская цензура, она не становилась на защиту Фамусовыхъ въ такой степени, какъ это кажется Бурцеву. Волю автора вѣрнѣе понимать такъ: мы, Фамусовы, — добряки (именно добряки!): беремъ «побродягъ», т. е. бѣдняковъ, «и въ домъ, и по билетамъ», оказывая имъ благодѣяніе, т. е. именно проявляя на нихъ нашу «доброту».

Стр. 16. — Въ раннемъ (1823—24гг.) спискѣ: «Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, *безъ иныхъ*»...

Стр. 19. — Въ текстѣ Пиксанова: «Не отъ болѣзни, чай — отъ скуки, *повольнѣе*».

Стр. 20. — «Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла»... Въ текстѣ П-ва: «Мнѣ-съ?.. Ваша тетушка на умъ теперь пришла»... Такое пониманіе предполагаетъ логическое удареніе на словѣ *Тебѣ* въ предыдущемъ стихѣ:

... чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Однако, едва ли есть основаніе къ такому чтенію. Вѣрнѣе судитъ Бурцевъ: «Лизу въ это время душитъ смѣхъ, и она отъ хохота съ трудомъ выговариваетъ слова».

Стр. 22. — Въ текстѣ П-ва: «*Или* вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ»...

Стр. 24. — «Ахъ, къ воспитанью перейдемъ»... Бурцевъ произвольно читаетъ: «Ахъ, *кстати*, къ воспитанью перейдемъ».

Стр. 30. — Въ стихѣ — «Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!» — Бурцевъ читаетъ: «въ три дня»... Но Грибоѣдовъ слѣдовалъ типичному московскому выговору — «въ три дни», гдѣ «дни» являлось безударнымъ. Ср.: «нé-веселы», «въ тѣ-поры», «óбъ-полъ», «пó-свѣту», «три-года» въ стихѣ: «Быть можетъ, онъ не то, что три-года назадъ»; «бéзъ-толку» и т. д.

Стр. 36. — «Терпѣнью мочи нѣтъ», т. е. нѣтъ силъ терпѣть. У П-ва: «Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно».

Стр. 39. — Въ текстѣ П-ва: «Отдушничекъ *отвернемъ* поскорѣе».

Стр. 43. — Въ раннемъ спискѣ:

«Не то, чтобъ новизны вводили, — никогда,
Спаси насъ Боже отъ крамолъ, но»...

Стр. 45—46. Въ раннемъ спискѣ:

А судьи кто? — за древностію лѣтъ
Въ отставкѣ, вѣчный толкъ ихъ о придворныхъ штатахъ...

....

Тотъ Несторъ негодяевъ старыхъ
Туда же въ самыхъ знатныхъ барахъ
И повелитель многихъ слугъ...

....

Теперь пускай изъ насъ одинъ
Изъ молодыхъ людей найдется неслужащій
И независимый отъ повышенья въ чинъ,

Отъ мѣстъ и должностей, инымъ огнемъ горящій,
Въ науки умъ вперитъ, иль воспитаетъ жаръ
Въ душѣ къ высокому, къ искусствамъ
благороднымъ:
Они тотчасъ: — разбой! Пожаръ!
И прокричатъ его мальчишкою негоднымъ...

Стр. 47. — Въ изданіи подъ ред. П. А. Ефремова (СПБ., 1880).

Въ Москвѣ — громъ сабель, шпоръ, султанъ
И камеръ-юнкерскій кафтанъ
Узорчатый, — красавицамъ прельщенье, —
И прежде было то же искушенье.

Стр. 51. — «Смятенье ... обморокъ ... поспѣшность... гнѣвъ испуга»... Именно — «гнѣвъ испуга», а не — «гнѣвъ! испуга!» — какъ читаетъ Пиксановъ, руководствуясь рукописями, гдѣ, слѣдуетъ замѣтить вообще, разстановка знаковъ весьма небрежна. Грибоѣдовъ изобразилъ совершенно понятный и возможный при душевномъ состояніи Софьи психологическій моментъ, когда она, убѣдившись, что Молчалинъ живъ, испытываетъ, въ сложномъ комплексѣ разнородныхъ ощущеній, и сильнѣйшую досаду, даже гнѣвъ, на самое себя за то, что не сумѣла скрыть своего испуга отъ Чацкаго. Чацкій, съ его презрѣніемъ къ Молчалину, присутствовалъ при ея обморокѣ: легко понятна, поэтому, величайшая степень ея досады и на Чацкаго и на себя. Выраженіе «гнѣвъ испуга» прекрасно характеризуетъ моментъ. Точно также нельзя согласиться и съ чтеніемъ Бурцева: — «Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ! испугъ!» Нѣтъ никакой необходимости мѣнять падежъ вопреки волѣ Грибоѣдова, тѣмъ болѣе, что нарушеніе рифмы въ данныхъ стихахъ весьма ощутительно.

Стр. 52. — Въ текстѣ П-ва: «А *вся* еще теперь дрожу».

Стр. 60. — Въ текстѣ П-ва: «*Я* самъ? Не правда ли, смѣшонъ?»

Стр. 61. — Въ текстѣ П-ва: «А я, чтобъ не мѣшать, отсюда *уклонюсь*».

Стр. 62. — Въ текстѣ П-ва: «Самъ это чувствую, сказать *я* не могу».

Стр. 65. — «Къ прихмахеру». Въ различныхъ чтеніяхъ Софья, на вопросъ Чацкаго, куда она уходитъ, отвѣчаетъ: «къ прикмахеру», «къ парикмахеру». Мы беремъ скороговорную, небрежную форму — «къ прихмахеру» — изъ одного изъ грибоѣдовскихъ списковъ. Современная Грибоѣдову критика указывала, впрочемъ, на искусственность такого произношенія,

однако, Грибоѣдовъ не счелъ нужнымъ исправить это слово въ позднѣйшихъ редакціяхъ.

Стр. 72. — Приводимъ мнѣніе Бурцева: «3-е и 4-е явленія только механически связаны одно съ другимъ, а по существу ихъ раздѣляетъ очень многое. Несомнѣнно, что 3-е и 4-е явленія не слѣдуютъ одно за другимъ, и между ними протекло нѣкоторое время. — Въ самомъ дѣлѣ, — разговоръ Чацкаго сначала съ Софьей, а потомъ съ Молчалинымъ, происходитъ тогда, когда Софья еще не завивалась у своего парикмахера, а Чацкій, какъ и Молчалинъ, по видимому, не были одѣты для бала. На то, что между 3-мъ и 4-мъ явленіями прошло нѣкоторое время, опредѣленно указываетъ, между прочимъ, и авторская ремарка передъ 4-мъ явленіемъ, начинающаяся словомъ «Вечеръ». — Этимъ словомъ Грибоѣдовъ, — это особенно ясно видно въ бѣгичевской рукописи, — какъ бы самъ подчеркиваетъ, что предстоящіе разговоры Чацкаго съ Софьей и Молчалинымъ были еще до «вечера». — Кромѣ того, 3-е дѣйствіе, начиная съ 4-го явленія, несомнѣнно, происходитъ въ другой обстановкѣ, чѣмъ его начало. — Оно, можетъ быть, происходитъ главнымъ образомъ въ той же самой комнатѣ, гдѣ происходили первое и второе дѣйствія и начало третьяго, но на этотъ разъ всѣ другія комнаты, кромѣ двери въ спальню Софьи, открыты настежъ, и въ перспективѣ раскрывается рядъ другихъ освѣщенныхъ комнатъ. Слуги суетятся. Между ними Главный лакей, Филька и Фомка разставляютъ столы для картъ».

Въ замѣчаніяхъ Бурцева есть доля правды, и при сценическомъ представленіи они могутъ быть приняты во вниманіе, но мы не видѣли необходимости дѣлить третье дѣйствіе на двѣ картины безъ яснаго указанія на то автора.

Стр. 75. — Въ текстѣ П-ва: «Все *рюматизмъ* и головныя боли».

Стр. 91. — Въ текстѣ П-ва ремарки «шепелявитъ» нѣтъ, но въ раннемъ спискѣ слова Графини-бабушки переданы «шепелявымъ» произношеніемъ.

Стр. 92. — Въ текстѣ П-ва: «Въ горахъ *израненъ* въ лобъ».

Стр. 100. — Въ текстѣ П-ва: «Пускай меня *отъявятъ* старовѣромъ».

— Тамъ же: «Чтобъ умный, *бодрый* нашъ народъ».

Стр. 103. — Въ текстѣ П-ва: «Безцѣнный! душечка! *Попишъ*, что смотришь такъ уныло?»

Стр. 111. — Въ редакціи Ефремова: «И *ѣдемъ-ка* со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ».

— Тамъ же:

Въ раннемъ спискѣ — вмѣсто —
«Избавь... Ученостью меня не обморочишь»

и пр.:

Избавь, съ ученостью вы много взяли всѣ-то,
Богъ вамъ премудрость ниспошли,
Даютъ ли ордена за это?
Давай ученье намъ, чтобъ люди въ ногу шли
Я школы Фридриха, въ командѣ Гернадеры,
Фельдфебеля мои Волтеры.

Стр. 112. — Въ текстѣ П-ва:

Тьфу! служба и чины, кресты души мытарства:
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства,
Желудокъ больше не варитъ.

— Тамъ же: «Ему и ей *какія* суммы».

Стр. 121. — Въ текстѣ П-ва: «Пойдемъ любовь дѣлить *плачевной* нашей крали».

ОБЪЯСНЕНІЕ

НѢКОТОРЫХЪ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ.

Барежовый — песочный, свѣтло-коричневый.

Вольтерьянецъ — послѣдователь взглядовъ французскаго мыслителя Вольтера, сочиненія котораго въ то время считались источникомъ безбожія и вольнодумства.

Ирритація — раздраженіе, тревога, волненіе.

Камеры — Репетиловъ намекаетъ на палаты депутатовъ, о которыхъ много говорилось въ старой Москвѣ въ связи со слухами о намѣреніи имп. Александра I ввести конституціонный образъ правленія въ Россіи.

Карбонарій — членъ тайнаго революціоннаго общества въ Италіи въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія.

Клобъ — русское произношеніе англійскаго «club». «Англійскій клубъ» въ Москвѣ — славился избраннымъ составомъ своихъ членовъ.

Ключъ — «съ ключомъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить»... — знакъ камергерскаго званія — вышивался золотомъ на мундирѣ.

Куртагъ — торжественное собраніе при Дворѣ, (нѣм. Tag, франц. cour).

Ланкарточный — искаженное слово «ланкастерскій» — методъ обученія. Система Ланкастера состоитъ въ томъ, что въ школѣ старшіе, лучшіе ученики обучаютъ младшихъ.

Менторъ — воспитатель Телемака, сына Улисса (Одиссея); въ разговорѣ — воспитатель вообще.

Минерва — греческая богиня мудрости; здѣсь — умничающая старая дѣва.

Несторъ — герой Троянской войны, пользовавшійся всеоб-

щимъ уваженіемъ: человѣкъ съ огромнымъ жизненнымъ опытомъ

Работа — («въ работу васъ») — «каторжная» работа, «каторга».

Реверси — карточная игра (reversis).

Случай — («быть въ случаѣ») — попасть въ особую милость при Дворѣ.

Тупей — (франц. toupet), старинная прическа: — волосы, собранные пучкомъ на затылкѣ.

Тюрлюрлю — мантилья.

Фармазонъ — отъ слова «франкъ-масонъ» (franc-maçon), членъ масонской ложи.

Химера — образъ греческой миѳологіи — чудовище съ головой льва, туловищемъ козла и змѣинымъ хвостомъ. Здѣсь — фантастическая мечта.

Якобинецъ — членъ политическаго клуба крайнихъ лѣвыхъ въ эпоху французской революціи. Здѣсь — человѣкъ преступнаго образа мыслей.

Эшарпъ — шарфъ.

Eh! bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente! Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente — А, добрый вечеръ! вотъ и вы! Вы, какъ всегда, неторопливы и доставляете намъ удовольствіе ожидать васъ.

Il vous dira toute l'histoire — онъ вамъ разскажетъ всю исторію.

А, нонъ лашьяръ ми, но, но, но — итальянское: A, non lasciar mi, no, no, no («Ахъ, не оставляй меня, нѣтъ, нѣтъ!»).

СОДЕРЖАНІЕ

„СѢВЕРНЫЕ ОГНИ“

I. Серія „Русскіе классики“:

А. С. Грибоѣдовъ. ГОРЕ ОТЪ УМА. Критическій текстъ, вступительная статья, примѣчанія. Редакція Е. А. Ляцкаго.

И. А. Крыловъ. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ (печатается).

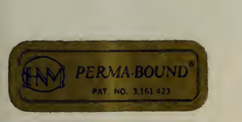
М. Ю. Лермонтовъ. СОЧИНЕНІЯ (печатаются).

II. Серія „Народно-поэтическая литература“:

СКАЗКИ. УТѢХИ ДОСУЖІЯ. Подъ редакціей и со вступительной статьей Е. А. Ляцкаго. Изд. 2-ое.

БЫЛИНЫ. СТАРИНКИ БОГАТЫРСКІЯ. Подъ редакціей и со вступительной статьей Е. А. Ляцкаго.

СТИХИ ДУХОВНЫЕ. СЛОВЕСА ЗОЛОТЫЯ (печатаются).

PERMA-BOUND
PAT. NO. 3,161 423

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 039698896